

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
“САМАРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ”

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ КУЛЬТУРЫ
“САМАРСКАЯ ОБЛАСТНАЯ УНИВЕРСАЛЬНАЯ
НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА”

А.И. СОЛЖЕНИЦЫН И САМАРА

Под научной редакцией П.С. Кабытова

Самара
Издательство “Самарский университет”
2008

УДК 94(470.40/.43).084.8
ББК 83.3(2=Рус)6-8 + 63.3(2Р-4Сам)6
С 60

Научный редактор

д-р ист. наук, проф. П.С. Кабытов

Составители:

А.Н. Завальный,
д-р ист. наук, проф. П.С. Кабытов

С 60 А.И. Солженицын и Самара / под науч. ред. П.С. Кабытова; Федеральное агентство по образованию. — Самара: Изд-во “Самарский университет”, 2008. — 139 с.; илл.

ISBN 978-5-86465-427-9

В сборник включены письма А.И. Солженицына, воспоминания самарцев о писателе, публикации в периодических изданиях, посвященные его пребыванию на Самарской земле.

Для всех интересующихся русской литературой, отечественной историей, а также общественно-политическими взглядами великого писателя.

ISBN 978-5-86465-427-9

- © Завальный А.Н., Кабытов П.С., 2008
- © Самарский государственный университет, 2008
- © Оформление. Издательство “Самарский университет”, 2008

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие

Периодическая печать о пребывании А.И. Солженицына в Самарской области

Зернов Ф. Солженицын выдвинут в президенты в Самаре	9
Балакирев А. Здравствуйте, Александр Исаевич!	11
Арянина О. “Открывать надо не Америку, а свою исконную Россию”	13
Жданов Е. Госдумы нет, есть балаган	17
Макеев В. Нобелевский лауреат на Безымянке	18
Александр Исаевич Солженицын: “Народную жизнь создает народ снизу”	20
Сто пятьдесят дыр по Солженицыну	28
Хмельницкий Ю. Было жарко в ДПП на встрече с Солжени- цыным	30
Агафонова О. На проклятые вопросы дай ответы нам пря- мые... ..	36
Александр Солженицын: “55 лет из 77 я прожил в России”	39
Жоголев Е. Солженицын в Самаре. С чем приезжал?	42
Биккулова Н. Александр Солженицын. Второе пришествие	47
Барановский М. [А.И. Солженицын в Тольятти]	48
“Мы простлали дорожку грязнохватам”	50
[А.И. Солженицын в с. Алексеевке]	55
Жданов Е. Взял “Книгу памяти” в подарок	56
Александров Ю. Желанный гость кинельцев	57
Чибриков В. Солженицын: “Я верю в русскую литературу”	60
Александр Солженицын: “Литература есть душевное творче- ство”	62

Воспоминания о встречах с А.И. Солженицыным

Кабытов П.С. Встреча в Самаре	69
-------------------------------------	----

Завальный А.Н. Прогулка с Солженицыным	72
Александр Исаевич Солженицын: “Сегодня я снова увидел свою Самару”	75
Добрусин В.А. Один день Александра Исаевича	79
Кабытов П.С. Встреча с Солженицыным: куда идем, Россия?	98
Переписка с А.И. Солженицыным	
“Ваш Солженицын...” [Письма А.И. Солженицына М.Н. Матвееву]	106
Матвеев М.Н. Не по жи	114
“Мы предлагаем два направления работы...” [Письмо П.С. Кабытова, А.Н. Завального и А.Ф. Китаева А.И. Солженицыну]	118
“Я от души желаю Вам успеха...” [Письмо А.И. Солженицына П.С. Кабытову, А.Н. Завальному и А.Ф. Китаеву]	125
Август 2008 года	
Умер Солженицын. Мы его помним	129
Самарские дни А.И. Солженицына	131
Карасев В. Здесь был Солженицын	135
Список источников	137

ПРЕДИСЛОВИЕ

августа 2008 года Россия простилась с Александром Исаевичем Солженицыным.

О его огромном значении для всего XX века, о великом вкладе в русскую культуру и национальное самосознание, в общественную и политическую жизнь страны сказано много. И будет сказано еще больше. И, наверное, придет время, когда титаническая фигура этого исполина духа в полной мере будет понятна и близка каждому россиянину.

А пока мы можем и должны собирать свидетельства о его удивительной и трагической судьбе, воспоминания современников, прошедших с ним круги сталинского ада, публикации о его жизни после возвращения в Россию, о пребывании и встречах с людьми в разных уголках огромной страны.

Самарскому краю повезло. Он вошел в судьбу Александра Исаевича не только печальным эпизодом, но и светлыми воспоминаниями. Мы посчитали своим долгом собрать материал о самарских днях А.И. Солженицына. Эти статьи, зарисовки, отчеты, письма мы нашли на страницах книг и периодических изданий и собрали вместе под одной обложкой. Какие-то материалы перекликаются, где-то можно встретить небольшой повтор, где-то разную оценку одной и той же встречи; но мы думаем, что каждое из опубликованных свидетельств о пребывании А.И. Солженицына на Самарской земле несет ценную информацию, которая будет интересна и важна как нашим современникам, так и тем, кто еще даже не появился на свет.

Все публикации внутри разделов расположены, за некоторым исключением, в хронологическом порядке встреч и выступлений А.И. Солженицына. Напомним вкратце их последовательность. 6 сентября 1995 года писатель прибыл в Самару (до этого он был в нашем городе в августе 1939 года, когда совершал с приятелем путешествие на лодке от Казани до Куйбышева, и летом 1950 года, когда находился в Куйбышевской пересыльной тюрьме перед отправкой в Казахстан). В день приезда А.И. Солженицын встретился с руководством области и депутатами областной Думы. Затем он совершил двухчасовую прогулку по городу, осматривал достопримечательности Самары и делился впечатлениями. 7 сентября принял участие в работе конференции “Традиции российского земства и современные проблемы организации местного самоуправления”. 8 сентября посетил профессиональное училище № 63 и встретился с жителями города в зале Дома науки. Следующий день А.И. Солженицын провел в г. Тольятти, где выступил в ДК АО “Синтезкаучук”. 10 сентября посетил с. Алексеевку Кинельского района, осмотрел мемориал семьи Володичкиных, побывал в библиотеке. В здании администрации г. Кинеля встречался с жителями города, выступал в ДК совхоза “Комсомолец”. Вечером того же дня А.И. Солженицын участвовал в передаче самарской телерадиокомпании “РИО”. 11 сентября состоялась встреча писателя со студентами Самарского педагогического университета.

Мы надеемся, что самарцы, с которыми Александр Исаевич встречался в эти дни, также смогут вспомнить интересные эпизоды и поделиться с составителями этой книги для последующей публикации в “Самарском земском сборнике”.

А.Н. Завальный, П.С. Кабытов

**ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ
О ПРЕБЫВАНИИ
А.И. СОЛЖЕНИЦЫНА
В САМАРСКОЙ ОБЛАСТИ**

Ф. ЗЕРНОВ

СОЛЖЕНИЦЫН ВЫДВИНУТ В ПРЕЗИДЕНТЫ В САМАРЕ

*Союз беспартийных за социальную справедливость считает,
что классика “зажимают”*

Региональное отделение Союза беспартийных за социальную справедливость (СБ) начало в Самаре президентскую кампанию известного русского писателя Александра Солженицына. Беспартийные провели несколько малочисленных митингов и заказали в типографии сто тысяч листовок. Руководство регионального отделения также обратилось к специалистам из Российского миротворческого центра с просьбой разработать для них план пропагандистской кампании.

Как сообщил “Веку” председатель союза Валентин Финистов, члены союза считают, что нынешние власти относятся к великому писателю предвзято — совершенно не освещают по телевидению его поездку по России. По мнению г-на Финистова скорее всего имела место “команда сверху” не уделять внимания этому событию, и поводом послужили резкие высказывания Александра Исаевича в адрес нынешней власти и некоторых именитых демократов. “Между тем Солженицын был известен как политический деятель задолго до появления нынешних “лидеров” нации, и было бы справедливо, если бы его избрали президентом”, — заявил председатель Союза беспартийных.

Он сообщил также, что сейчас функционеры его общественно-го движения ведут переговоры с самарской обл. администрацией о материальной поддержке президентской кампании классика. По его словам, существует большая вероятность того, что счет за

листовки будет оплачен из областной казны. Самому же Солженицыну Финистов со товарищи отправил обращение с просьбой ни в коем случае не отказываться от борьбы за кресло президента в 1996 году.

— В июле акции в поддержку Солженицына будут проведены в Москве, Санкт-Петербурге и других крупных городах страны, — заверил Валентин Финистов.

Союз беспартийных за социальную справедливость создан в 1991 году в Москве с целью объединения всех беспартийных в противовес политическим партиям, которые, по мнению лидеров организации, не отражают настроений и чаяний широких народных масс. В сколько-нибудь заметных общественных или политических акциях СБ не участвовал.

Век. 1994. № 24 (24-30 июня)

ЗДРАВСТВУЙТЕ, АЛЕКСАНДР ИСАЕВИЧ!

В Сызрани, проездом из Москвы в Самару, побывал А.И. Солженицын. Великий русский писатель, автор “Одного дня Ивана Денисовича”, романов “В круге первом” и “Раковый корпус”, художественного исследования “Архипелаг ГУЛАГ” – произведений, которые, без преувеличения, уже вошли в историческую память народа. Лауреат Нобелевской премии по литературе.

Впрочем, имя и облик Александра Исаевича сейчас настолько хорошо известны, что его нет надобности представлять нашим читателям. Сегодня именно он – та центральная фигура, вокруг которой скрещиваются копыя споров о дальнейшей судьбе России.

Общеизвестно также его пристальное внимание к провинции, через которую, считает писатель, только и может произойти духовное возрождение нации.

Вот и на этот раз Александр Исаевич ехал в Самару, где, как он объяснил, должен был принять участие в совещании по проблемам земского самоуправления.

У нас в городе А.И. Солженицын гостил немногим более полутора часов. За это время успел осмотреть набережную, городской кремль. Возложил цветы к Вечному огню и мемориалу в память павших воинов Великой Отечественной войны. Побывал в городской администрации и во дворце бракосочетаний.

Из короткого интервью, которое Александр Исаевич дал местным средствам массовой информации, явствует, что в Сызрани до этого он бывал только один раз, в далеких 30-х годах. Во время нынешнего визита приятное впечатление на него произвела восстанавливаемая историческая часть города. “Величественный вид на Волгу, потрясающая красота!” Сызрань, по мнению Александра Исаевича, город живой, у него есть будущее. Всем горожанам писатель пожелал “твердости духа в нелегкие времена”.

Приглашение посетить Сызрань 17 сентября, в День города, вежливо отклонил, сославшись на то, что даже в родной Рязани на подобном мероприятии ему ввиду огромной занятости побывать так и не удалось.

Как заметили все окружающие, Александр Исаевич – человек демократичный, хотя и довольно суров с виду. Очень просто одевается. 77 лет (“по паспорту”) ему не дашь, 65 от силы. Держится бодро, имеет подтянутый вид. До сих пор предпочитает ходить пешком, а не ездить в роскошных лимузинах, которые теперь ему полагаются согласно статусу “видного общественного деятеля”. Во время разговора часто делает заметки в большом черном блокноте.

Вот таков он, Александр Солженицын, “писатель на все времена”. Всем, кто еще незнаком с его творчеством, хотим пожелать – познакомьтесь, оно этого стоит!

Волжские вести (Сызрань и Октябрьск). 1995. 9 сентября.

“ОТКРЫВАТЬ НАДО НЕ АМЕРИКУ, А СВОЮ ИСКОННУЮ РОССИЮ”

Н а днях в здании администрации Самарской области прошла научно-практическая конференция под названием “Традиции российского земства и современные проблемы организации местного самоуправления”. В зале присутствовали главы администраций районов и городов области, их коллеги из соседних регионов, руководители области и города, ученые.

Конференцию открыл и вел глава областной администрации К.А. Титов.

Среди выступающих были представители губернской Думы, вице-мэры городов нашей области, специалисты по истории развития земства на Руси, даже сельский староста. К сожалению, присутствующие не смогли услышать доклад практика по организации местного самоуправления в Самаре главы города О.Н. Сысуева, так как тот отсутствовал по делам службы.

Почетным гостем конференции был известный в России и за рубежом писатель А. И. Солженицын, который сказал несколько теплых слов в адрес руководства нашей области и города, отметив, что вряд ли где-нибудь еще он смог бы присутствовать на подобной конференции.

Вот, собственно, его слова:

– Мне радостно среди вас на собрании, где чувствуется дыхание исторического Самарского земства. Здесь прозвучало много практических замечаний, и я собираюсь использовать их в своей работе, так как со многими выступающими просто невозможно не согласиться.

Беда тому народу, который теряет свои традиции, но и хранить их надо умеючи. Надо развивать традиции в соответствии с требованиями времени. Задача возрождения земства необычайно трудная. Для ее решения нужно немало ума, терпения, таланта и находчивости множества людей, потому что если идти по старому пути, ничего не получится.

Вот сейчас принят Закон о местном самоуправлении. Приехав в Москву, я ознакомился с тремя вариантами этого закона. Они попадали ко мне один за другим. Я начал заниматься с первым вариантом, консультировался со специалистами; потом мы поработали со вторым, а там появился и третий. Честно говоря, когда закон наконец приняли в Государственной Думе, он смотрелся каким-то вымученным. Закон этот, к сожалению, в значительной степени недоработан. Я сочувствую вашему областному руководству, которое сумело, не выходя за рамки этого предварительного закона, составить разумный Устав области.

Что такое местное самоуправление? Вопрос в том, что подразумевается под словом “местное”? Сельское, районное — местное. А вот как назвать городское и выше — надо подумать.

В реформах Александра II было немало недостатков. Если бы он доработал земельную реформу — у нас не было бы октябрьского переворота. Тогда побоялись обустроить волостное земство — не дай Бог, крестьяне будут сами собираться и решать свою судьбу. Таким образом, с самого начала посадили растение без корня.

Было прекрасное губернское земство, хотя в большинстве его составляло дворянство, к тому времени не имевшее уже авторитета. Царь боялся, что волостное земство настолько разрастется, что потребует вселенского совещания.

Местное самоуправление — это, строго говоря, народное самоуправление, а проще — земство. Земство существует у нас шесть веков. А что нам заимствовать у Запада? Открывать надо не Америку, а свою исконную Россию. Верно было сказано здесь, что земство — это самоуправление всех людей, живущих в данной местности. И не просто живущих, а занятых какой-нибудь деятельностью, не бродяжек каких-нибудь.

Земство должно быть вне политики. Главы партии могут туда входить, но им придется забыть о своей партийности. Не должно быть деления и по национальным признакам. Вот живут на этой земле люди трудолюбивые и способные, на них и должно быть основано земство.

Я много путешествую по России: от Дальнего Востока до Кавказа и по средней полосе, вижу множество талантливых людей, рвущихся использовать свои знания, но понимаю, что в нынешней системе администрирования для них нет места. Надо привле-

кать этих людей к возрождению местного самоуправления. Дать им возможность проявить себя. Есть ближайшие цели и дальние. Вот создан областной Устав — это ближайшая цель. Он, как и Закон о местном самоуправлении, имеет свои недоработки, но надо стремиться к идеальному, к реально достижимому. Сейчас говорили о сельской управе. Слышу иногда о московском правительстве. Вы думаете, что речь идет о России? Нет, о правительстве города Москвы, которое вернее было бы назвать московской управой. Уже сегодня мы можем говорить о сельском или волостном самоуправлении, потому что в пределах села или волости население в основном однородно по своему положению и виду занятий, поэтому простым голосованием, которое вовсе не является величайшим достижением человечества, на данном этапе можно выбрать в сельсовет или волостное управление их будущих руководителей. Выше мы сейчас не сможем подняться. Избрать людей сразу в районное земство не получится, так как район — это уже многопрофильное объединение, включающее различные сферы деятельности разных специалистов. Надо решать вопрос самоуправления не количественно, а качественно, чтобы каждый представитель от различной социальной группы имел право голоса, вот тогда будет качественное решение проблем. Финансы? Что говорить об этом, пока регионы не отстают своих твердых позиций в вопросе, какие средства оставлять у себя, а сколько перечислять Центру. Но помимо этого должны быть строгие законы, которые должны работать.

Конечно, там, где можно, необходимо открывать определенные учреждения — земские школы, больницы. Естественно, повсюду и одновременно это сделать невозможно, поэтому я говорю, где можно.

“Самостоятельность требует ответственности”, — цитирую одного из сегодняшних выступающих. Надо, чтобы человек отвечал за порученное дело. Поручили — извольте отвечать.

Самоуправление в городе — сложный вопрос. Есть малые города, как бы соединяющие народные корни со стволом — крупными городами. Много споров по поводу обустройства самоуправления в крупных городах. Некоторые мэры крупных городов выступают против местного самоуправления, так как им придется немало поработать, ведь этот вопрос для них непривычен.

И еще, не ждите даров из Центра. Вам оттуда подарят все: законы, правила и т. д. Но главное зависит от людей, от личности.

Положение нашей страны очень тревожно. Мы переживаем тяжелейший период, о котором мало говорят, но единственное, что нас может спасти, — это народное самоуправление...

Вольнодумец. 1995. 16 сентября.

ГОСДУМЫ НЕТ, ЕСТЬ БАЛАГАН

Александр Солженицын во время своего пребывания в Самаре встретился с группой депутатов Самарской губернской Думы во главе с ее председателем Леоном Ковальским.

Депутаты поделились с гостем своими проблемами, рассказали о готовящемся принятии бюджета области, расспросили его о западноевропейских парламентах. Солженицын, в свою очередь, подискутировал с нашими представителями народа по некоторым вопросам. Мнения заметно расходились. Например, быть ли депутатам только на постоянной основе или нет. Писатель считает, что за депутатскую деятельность платить зарплату смешно. И вообще он серьезно полагает, что Госдумы у нас нет. Нынешняя – не Дума, а балаган. Сидят 400 человек, а что делают – неизвестно.

Покритиковал писатель и нынешнее духовенство, которое, по его мнению, потеряло связь с народом.

По окончании встречи Леон Ковальский подарил Александру Солженицыну картину и книги местных авторов.

Волжская заря. 1995. 13 сентября.

НОБЕЛЕВСКИЙ ЛАУРЕАТ НА БЕЗЫМЯНКЕ

Эта встреча с А. И. Солженицыным получилась, пожалуй, самой спокойной и незаорганизованной во время всей саратовской поездки. Не было официального сопровождения. Прессу представляли всего два журналиста, в том числе ваш корреспондент. Мало кто рассчитывал, что Александр Исаевич выкроит полтора часа в своем плотном графике и побывает на Безымянке. Но в профессиональное училище №63 он прибыл утром 8 сентября. Выяснилось, что с момента своего возвращения в Россию писатель не был еще ни в одном профучилище.

Самарский адресат Солженицына.

Мы тоже недоумевали — почему именно это училище? Оказывается, вовсе даже не случайно. Уже второй год Александр Исаевич переписывается с преподавателем литературы этого учебного заведения А.И. Каневым, который ведет здесь литературный кружок “Волжане”. И вот, заглянув в Самару, писатель не преминул встретиться с талантливым педагогом и его учениками. В этот день почетный гость побывал на заседании кружка “Волжане”, посвященном 100-летию со дня рождения С. Есенина.

Затем Александр Исаевич встретился с преподавателями и мастерами училища, которому в будущем году исполняется 20 лет. А готовит оно, в частности, рабочие кадры для авиапромышленности. Речь зашла о проблемах образования и воспитания.

— Молодежь наша сейчас в опаснейшем духовном состоянии, — сказал писатель. — Все брошено на то, чтобы ее испортить. Я не говорю, что это заговор. Но раз дали волю пошлости, то пошлость торжествует и топчет все. И в этом смысле каждая спасенная вами душа, каждый, кого вы направили на чистые помыслы, — это будет вашим золотым достижением.

“Чудовищный закон о выборах”.

Автор исследования “Архипелаг ГУЛАГ”, рассказал о своем видении сегодняшней ситуации в стране. Он выделил проблемы, которыми больше всего занимается: школа и образование, земельный закон и земство, соотечественники в ближнем зарубежье и как их принимают в России. Кстати, ближайшие две

телепередачи Солженицын посвятит положению русских в Казахстане и вынужденным переселенцам.

Весьма критично отозвался он о предстоящих выборах в Госдуму:

— Политическая апатия народа так велика, что наши руководители, понимая, что выборы у них вообще могут сорваться, приняли чудовищный закон. Теперь на выборы достаточно явиться 25% избирателей. А остальные 75%? Провались они, мы и знать не хотим этот народ, пусть живет, как хочет?! А если еще и подмахлюют... Прошлые выборы, безусловно, были фальшивыми.

На прощанье директор ПУ №63 Ю.И. Бородин от имени всего коллектива вручил А.И. Солженицыну небольшой футляр с набором слесарных инструментов, изготовленных руками учащихся: “Это пригодится в вашей новой квартире”.

Самарская газета. 1995. 12 сентября.

АЛЕКСАНДР ИСАЕВИЧ СОЛЖЕНИЦЫН: “НАРОДНУЮ ЖИЗНЬ СОЗДАЕТ НАРОД СНИЗУ”

*Из выступления писателя в Самарском Доме науки
(бывшем Доме политического просвещения)*

Хотя я уже выступил по телевидению с августа прошлого года более тридцати раз и многое сказал из того, что сегодня говорят, мы все равно слышим выступающих, кричащих: “Дайте правду! Скажите вот это...” Миллионы слышали, что у нас демократии нет. Вы думаете, что что-нибудь открыли. Демократия у нас не начиналась. Если вы не слышали всех моих выступлений, все-таки поверьте по крайней мере, что массу больных вопросов я уже осветил.

Теперь я перехожу к своим записям. Я всегда говорил (я это видел из Америки, и, приехав сюда, еще раз убедился), что российский корабль течет в ста пятидесяти дырах сразу. И нет такой преимущественной дыры, которую если заткнуть, то Россия сразу будет спасена. Мы попали в жесточайшую беду. Я понимаю: всеми вопросами мне, одиночному человеку, невозможно заняться, но и если создать дееспособный орган — и тот всех вопросов не охватит. Я выбрал для себя несколько направлений, которыми занимаюсь преимущественно. Я вам перечислю эти проблемы.

Вот сейчас женщина плакала: она не может увидеться с сестрой. Отрезанные соотечественники — вот одна из тех проблем, от которых сердце кровоточит. Мы с вами сейчас слышим много бед здешних, но кроме этой женщины, кто из вас подумал: а наши 25 миллионов соотечественников, отрезанных и брошенных... О них можно подумать — не только о себе?! Это затмение национального сознания. Да, правительство наше их бросило. Но ведь и душа наша их бросила. А тех, которые возвращаются, переселенцев, мы часто принимаем не то что равнодушно — неприязненно, как ни один народ на земле не принимает своих. “Ну и жили бы там, че вы приехали?” Вот позор, вот стыд. Легче всего говорить: такой виноват, такой виноват... А мы сами чего стоим?

Следующий вопрос, который меня исключительно волнует — это вопрос земельного закона. Сейчас спрашивали: “Это благо или зло, если земли продавать и покупать?” Я ехал в Россию с величайшей тревогой, потому что слышал, как в это время в Москве наши умники-реформаторы придумали самое простое решение: пустить с аукциона, кто больше даст. Великолепное решение! То есть, быстро, моментально распродать землю. Кому? Грязнохватам! Я не признаю выражения “новые русские”, ибо за ними нет будущего. Грязнохватам, жуликам и иностранцам продать всю землю, а нам превратиться просто в наемных рабочих. И об этом совершенно серьезно писали в виднейших московских газетах. Я выступал всю дорогу против этого, может быть, мне немножечко удалось повлиять. В июле прошлого года, когда принимали в общем тоже ужасный закон о втором этапе приватизации, пункт о земле был вычеркнут президентом. И не было закона о приватизации земли. У меня об этом был ряд передач по телевидению. Сейчас же вкратце я скажу. Нам важно, чтобы земля давала урожай и кормила страну. А в проектах московских реформаторов и не важно, какое у этой земли будет употребление. Мы уже имеем опыт великой земельной реформы Столыпина, когда был создан земельный банк. У нас тысячи коммерческих банков, которые только и занимаются игрой на понижение и повышение и никакой пользы стране не приносят. А земельного банка нет! А он должен был бы под низкие проценты и с большой рассрочкой уступать в пожизненное наследственное владение участки земли так, чтобы человек, почти ничего не имея, мог начать работать и работой своей год за годом это оправдать.

Но мало одного земельного банка. Необходимо реабилитировать крестьянство. Я получаю многие письма из разных мест. Люди живут там, где раскулачили его отца или деда, или прадеда. Все знают, что это была его земля. Он хочет на ней работать. Так вот он должен бесплатно получить эту землю. Имеет право. Кроме того, должен существовать земельный комитет, который бы зорко следил за тем, кто и как использует землю. И он увидит, что вот этот, например, год пропустил, засорил, ничего не сделал и т.д. Но у него, может быть, семейные обстоятельства, какая-нибудь беда. Но вот и второй год... Тогда ему говорят: “Голубчик, изволь, получи свои деньги назад и убирайся вон с земли. А мы передадим ее другому.” Земельный комитет должен следить

не только за эффективностью земледелия, но и за экологичностью его. Мы не должны доходить до такого позора, как сейчас. Ведь всем вам ясно: Россия кормила всю Европу. И Самарская область участвовала в этом. А кто знает из вас о маслодельческих сибирских артелях? Без единого крупного завода маслодельческие кооперативы Сибири кормили всю Европу таким сливочным маслом, что голландцы и датчане к своему высшему сорту масла подмешивали сибирское, чтобы только продать.

Я коснулся двух из тех вопросов, которыми систематически занимаюсь. О школе сегодня не говорили, о земстве разговор впереди. Сегодня у нас тут очень горячая атмосфера. С одной стороны, оттого что в зале невыносимо жарко, видимо, что-то не предусмотрено, а во-вторых, оттого, что у людей накопело. Не надо удивляться, что некоторые люди теряли равновесие, говорили слишком страстно, уходили в личные свои обиды и заботы. У нас нет привычки говорить в общественных собраниях. Когда-то мне приходилось в споре с Сахаровым в 69-м году написать такую вещь: больно было нам в 17-м году терять свободу слова, когда ее просто отобрали и все, но еще больней будет, когда нам ее вернут, потому что за эти десятилетия мы разбрелись на 77 дорог, мы боимся общаться, мы уже не соотечественники, мы уже как будто люди разных планет. Мы вылупленными глазами смотрим друг на друга, не понимая, о чем говорит собеседник. А потому, что нам 70 лет не давали ничего говорить. Нам надо привыкать постепенно, терпеливо выслушивать друг друга и искать какое-то взаимопонимание.

В этом зале, наверно, редко кто будет старше меня по возрасту. И немного здесь моих ровесников. И должен вам сказать: вы, сегодняшнее поколение — вы счастливики в том смысле, что уцелели от страшных уничтожений. Вы — счастливики, и поэтому вам кажется, что вот были хорошие Советы, которые задушили большевики. Кто сейчас помнит эти страшные уничтожения духовенства в начале двадцатых годов, в разгар ленинской свободы? Их тысячи, десятками тысяч отправляли на смерть. Кто помнит, как разоряли купечество? Кто помнит, как 15 миллионов крестьян отправляли в тайгу, в мороз с детьми? Мы прошли через разорительные десятилетия. И страна шла в экономический тупик. Но дальше могло наступить выздоровление. Мы в тюрьмах в 46-м году сидели и обсуждали, что коммунизм рухнет и

в этом нет сомнений. Но умные люди, старики говорили (я был молодой человек, я слушал): самое главное, как из коммунизма выходить. Системы всей не трогать, какая она ни на есть. Начать медленное, медленное оживление снизу. Маленькие участки земли, маленькие лавочки, маленькое производство: люди обуются, оденутся, начнут жить, постепенно оживляться. Я отказываюсь признать, что у нас прошли сколько-нибудь существенные реформы за эти десять лет. Потому что реформа — это стройная система преобразований, согласованных друг с другом, и направленная к определенной ясной цели. Ничего подобного не было. Сперва начали разрушать все связи между предприятиями, так называемый, социалистический рынок, потом бросили великую свободу, которую здесь хвалили, — свободу торговли. Свободу цен при монопольном производстве! Это же нужно впасть в совершеннейшее безумие! Да, я признаю, что это была идея из Международного валютного фонда. Сначала это называлось реформой Явлинского, потом переименовали в реформу Гайдара. Но ведь цены можно освобождать только, когда производители конкурируют.

Почему у нас такая смрадная атмосфера, не скажу, в этом зале, нет, вообще в стране? И почему захлебнулось демократическое движение? А потому, что у нас не произошло никакого духовного очищения. Раскаяния не было. Я двадцать лет назад призывал, кто когда-то был палачом, карателем или хотя бы голосовал за унижения и притеснения, хотя бы он голосовал на парткоме только — раскайтесь, выйдите! Германия очистилась! А мы нет, мы всю грязь, всех негодяев повысили дальше вперед. И поэтому наш путь, и без того мучительный, будет на двадцать тридцать, сорок лет длинней.

Проблему преступности я сейчас обсуждать не буду. Об этом я тоже уже много говорил. Только хочу заметить, что в правоохранительных органах есть разные люди. Я знаю случаи, когда страдают за то, что стремятся исполнить свой профессиональный долг. Один офицер армии мне написал подробное письмо: он бежал и находится сейчас в розыске, потому что он выполнял задачу, а другие были подкуплены и подогнали его под суд.

Но главное, и об этом здесь говорилось, думать надо, как нам обустроить Россию. Скажу вам о Советах и земстве. Земство в России существовало шесть столетий. Оно спасло Россию в 17 веке,

когда всякие лжедмитрии погорели, цари кончились, бояре трусливо сбежали, поляки Москву взяли и не осталось во главе России никого. Собирались сходы в поселках, в маленьких городках, посылали друг другу гонцов, соединялись. В итоге собрали деньги, ополчение; пошли, освободили и устроили Россию. Сами! Кузьма Минин собирал деньги, а Пожарский был одним из военачальников, но мог быть кто-то еще. Характер у нас народный был другой. И при Алексее Михалыче как много значило земство! Когда собирались земские соборы, там не было вот этой голосовалки, где берется количеством, большинством. Что стар, что млад, что человек опытный, что юнец, что дурак, что умный — у всех по одному голосу. Опять обезьянство! На земском соборе сидели и рассуждали, один так говорит, а другой так, и не в таком тоне, как сейчас. И все друг друга поправляли, и часто бывало, что земский собор выносил единодушное решение. И царь не имел права его не принять. А бывало: два-три мнения, но не пятьдесят. Каждый свое мнение обосновывал, почему он выбирает это, а не то. Это был русский образ правления. А потом пошел петербургский период, начиная с Петра, три столетия подавлялась народная инициатива. Начали было пробуждаться в начале 20 века, но накатилась революция и 70 лет большевистского террора. И мы отвыкли думать, и только ждем, что скажут, кто главный. И все сводится к лицу. Это уже недостаток нашего мышления, мы мыслим только в лицах. Сейчас спрашивают, к какому лицу примкнуть на выборах или к какой партии. Да не так надо думать. Надо думать о сути процессов, которые идут, и о наших возможностях народных. Никакая власть не может создать народной жизни, запомните. Народную жизнь создает народ снизу.

Далее — о Советах. Я двадцать лет занимался только русской историей 20 века. И Петроградский Совет 17-го года я знаю. Гораздо раньше, чем Советы разогнали большевики, они стали декорацией. В первые дни Февральской революции в Государственную Думу прибежали третьесортные революционеры, настолько третьесортные, что их не ссылали, не арестовывали, они не эмигрировали, болтались по Петрограду. Сами себя назначили исполнительным комитетом. Почти все под псевдонимами. Решили сделать Совет рабочих депутатов: пусть нам от каждых 250 рабочих присылают одного депутата. А солдаты ходят с ружьями, ходят

по Таврическому дворцу... Ага, оглянулись и добавили “и солдатских депутатов”. Прошло два месяца. Крестьяне кое-как, с большим трудом по весеннему бездорожью добрались на съезд. А там сидела шайка людей – исполнительный комитет – никто их не знал. Они были кукловодами. Выходил такой Осип Богданов и говорил: “Вот есть такое предложение, кто за, кто против?” Все приняли. Две тысячи человек – грандиозно! Ничего они не решали, они только кричали еще хуже, чем сейчас. А решал все исполнительный комитет и держал за горло Временное правительство, которое трусило перед ним. Так что Советы уже тогда ничего не значили. Но они заведомо были построены так, чтобы не представлять все население. Рабочих – пожалуйста. Солдат – вынуждены. Крестьян – да. Когда казаки забурлили – ну и “казачьих” сделали. А остальные? А людей больше нет? Советы не были всесловны.

Почему мы говорим “земство”? Если вам не нравится это слово, говорите “народное самоуправление”. Земство действительно губернаторами кое в чем ограничивалось. Были недостатки. Царское правительство боялось волостного земства, не дало крестьянам нижний слой земства создать. Но сколько было достоинств!

Что делать сейчас? Наша избирательная система, уже утвержденная, насквозь фальшива. Потому, что, во-первых, она требует явки всего 25 процентов населения и, следовательно, на мнение трех четвертей народа ей откровенно наплевать. Во-вторых, точно ли будут подсчитаны эти 25 процентов? Публиковались в Москве многие исследования, доказывающие, что та избирательная комиссия жульничала, а потом быстро сожгли все документы, так как они “не представляют исторической ценности”. В-третьих, что это такое – наши партии? О глупости и бессмысленности количественного принципа я уже говорил. И еще. Нигде на Западе нет такого, чтобы тот, кто выбирался, занимал официальный пост, то есть обладал властью... Выбирайте бескорыстных, честных людей. Умных и мужественных. А мужественный – не тот, кто против начальства, как было в большевистское время, а тот, кто против моды.

Земство будет рождаться медленно. Но вот выбрали больше тысячи старост у вас, в Самаре – так это уже начало земства. В селе и волости можно избираться количеством, но в районе уже нужен иной принцип. Нужно собрать представителей каждого

социального интереса. И они, как на земском соборе, будут друг друга убеждать, а не бить количеством. Я говорю о земстве, потому что это дальняя цель. Но без народного самоуправления нам не спастись.

Мы слышали сегодня и предложения взять оружие и кромсать, как в 17-м году. Но вот мы накромяли в 17-м году. Была цветущая страна, украшение Земли. Промышленность росла бешеными темпами. Сельского хозяйства — завались. Мирная жизнь. А мы пошли кромсать. Грабь награбленное, убивай офицера, дели землю помещика, а заодно и хуторянина и т.д. А оказалось, что 76 процентов земли в России принадлежало прямо крестьянам. И делить оставалось — 24, и из них многие такого повышенного качества, что даже жалко разрушать семенные станции и пр. Обманули народ.

Я недавно две передачи говорил о стачках. Этот размах стачек до добра не доведет. Если только победят подобные настроения — все, можете Россию хоронить. Будет хуже, чем в Югославии. Теперь частные вопросы. Вот мне предлагают пойти в президенты. Друзья мои, у меня есть сотни предложений: создать такой союз, такое движение, единое движение по всей России. Да ничего из этого не получится. Еще одна партия. Объединяться надо на конкретной работе в местности, то есть земской работе.

Далее, соотношение центра и регионов в финансовом плане. Это один из вопросов, которые я обсуждаю в каждой области. С каждым губернатором об этом говорил или с другими областными лицами. Пока не будет абсолютно четкого закона: сколько идет в центр, а сколько остается региону, ничего не выйдет. Может быть, нужна сложная схема, не простой процент. Кроме того, регион должен такие же нормы ввести в отношениях с районами, а районы — со своими волостями. Вот только тогда будет каждый знать, что ему обеспечена такая-то финансовая база.

И, наконец, спросили меня: почему русские так притеснены в самой России? Да, у нас принято теперь так: что не удалось так называемым демократам, что не вяжется, говорят: “Угроза русского фашизма”. Какого фашизма? Мы с фашизмом боролись. Президент дал указание Конституционному суду в две недели дать определение, что такое фашизм. Прошло пять месяцев — определения нет. А почему? Да потому что в этом слове запутались. Фашизм — явление чисто итальянское. Но все говорят не об

этом, а о германском национал-социализме. У нас был интернационал — социализм. У них был расовый фашизм, а у нас классовый. Вот вся разница. А еще разница в том, что у нас все началось раньше. И Гитлер копировал с Ленина и Сталина.

Но если же говорить о шовинизме, то скажем: во всех среднеазиатских республиках ужасающий шовинизм. На Украине с факельными шествиями ходят по улицам и кричат: “Наш язык — язык насилия”. На Украине можно. В интересах Запада, чтобы Украина от нас отделилась. Ну прошел бы у нас человек с чем-нибудь подобным — боже мой, взорвалась бы вся мировая пресса.

Записал В. Лехциер

Самарский университет. 1995. №7

Сто пятьдесят дыр по Солженицыну

Александр Солженицын после нескольких официальных и полуофициальных встреч, наконец-то дождался своего часа. Он вышел в народ. В минувшую пятницу в бывшем Доме политпросвещения лауреат Нобелевской премии провел двухчасовую встречу с жителями Самары.

Сразу отметим, что об организованности не было и речи. Зал был набит по самую крышу, люди стояли в проходах, сидели на полу. Об очереди, которая выстроилась к микрофонам, чтобы каждый мог пожаловаться на свою судьбу, — разговор особый. Однако в воздухе пахло дешевой провокацией. Во время выступления Солженицына постоянно неслись реплики о Ленине, Сталине, оратору не давали говорить. В конце концов — Александр Исаевич, схватившись за голову, просто проорал в микрофон:

— Ну, если хотите, я уйду! Выходите и сами говорите. Выходите! (Солженицын действительно пытался покинуть зал. — авт.). Я пол-России проехал от Владивостока до Кавказа, но кроме Самары — такого безобразия нигде не было.

И все-таки кое-что Солженицыну сказать удалось. В основном — о политической ситуации в стране и о территориальном самоуправлении — земстве.

Говоря о зарождающемся демократизме, Солженицын с присущей ему безапелляционностью заявил:

— Я постоянно заявляю: демократией у нас не пахнет! Она у нас не начиналась. Наш государственный корабль течет в 150 дырах сразу. И нет какой-то одной, что если ее заткнуть, то Россия сразу будет спасена. Мы попали в жесточайшую беду, друзья мои.

Одной из самых кровотокающих проблем писатель назвал проблему с беженцами.

— Наши 25 миллионов соотечественников отрезаны и брошены, как собаки. Это затмение национального сознания. Да, правительство наше их бросило. Но и душа наша их тоже бросила. Поэтому одной из главных забот должны стать переселенцы. Им надо помочь. А мы их принимаем неприязненно, как ни один народ на земле не относится к соотечественникам. Это стыд.

Отдельно был затронут вопрос о земле.

— Московские умники-реформаторы предложили землю пустить с аукциона. У кого денег больше, тот и купит. Великолепно! Кто купит? “Грязнохваты”. Я их не признаю за “новых русских” потому, что в России у них будущего нет. Откуда оно, на чем зиждется? Дорогие мои, да землю надо под очень низкие проценты, с большой рассрочкой уступать в пожизненное наследственное владение. И будет хлеб. И Россия.

По Солженицыну никакой реформы в стране, конечно же, не происходит. Возможно, по нашей вине: мы так и не очистились от грехов прошлого, не покаялись, как это сделала Германия.

— Я говорил: выйдете — раскайтесь. Нет, мы всю грязь, всех негодяев вперед потащили. Поэтому наш путь восстановления на 30-40 лет удлинится. Наш путь — земство, которое в XVII веке спасло страну от гибели. И как Земские соборы проходили? Тихо, выслушивались мнения, выносилось одно решение на их основе. А теперь что? Выбираем новую Думу, хотя половина голосов уже продана партиям. Про-да-на.

Солженицын говорил о Чечне, о сибирских маслобойках, о романе “Красное колесо”, о своих планах, о жизни. Встреча завершилась часовой раздачей автографов. В очередь. Но на сборнике самарских сатириков мэтр расписаться отказался.

Самарская газета. 1995. 12 сентября.

БЫЛО ЖАРКО В ДПП НА ВСТРЕЧЕ С СОЛЖЕНИЦЫНЫМ

Как странно, порой парадоксально, развиваются события вопреки обыденной логике, назло “мудрецам”. Дом политического просвещения, по символическому стечению обстоятельств выстроенный рядом с анатомическим театром медицинского института и долгое время бывший местом препарирования мертвых теорий, вдруг меняет свое назначение и становится местом сбора живых.

В пятницу сюда на встречу с Александром Исаевичем Солженицыным пришло столько народу, что яблоку негде было упасть. В просторном зале стояли в проходах, впервые, наверное, за всю историю Дома был переполнен даже балкон. Знал бы писатель, сколько хулы, помоев и проклятий было выплеснуто заочно на его голову в этом зале! Сколько красноречивых лекторов со степенями и партбилетами разоблачали его и предавали анафеме за книги. Всего лишь за книги, которые власть боялась хуже атомной бомбы. Потому что книги эти были правдивы, искренни, честны, что составляло их коренное отличие от самой власти. Хочу ошибиться, но кажется мне, что книги эти тогда читали больше, чем теперь, когда они стали доступны каждому. Самиздат действовал лучше любого политпроса, и получить на ночь потрепанный машинописный экземпляр “Ракового корпуса” или “Архипелага ГУЛАГ” при желании было можно. Рискуя при этом, конечно, но и мужая от собственной смелости.

На первом этаже бывшего ДПП по традиции продавали книги. Пестрота ярких обложек, похожесть названий. Книг Солженицына среди них я не увидел.

Зато на втором он сам, живой, энергичный, почти не постаревший, быстрой походкой прошел на сцену и сел за стол перед микрофоном. Рядом с ним даже могучая фигура ответственного секретаря Самарской писательской организации Евгения Лазарева смотрелась почти скромно.

Евгений Васильевич между тем открыл встречу и начал произносить вступительное слово, но был остановлен нетерпеливыми

хлопками и криками. Все ждали, что скажет Солженицын, его пришли слушать, будучи о нем премного наслышаны. Невыдержанность собравшихся можно было объяснить и нестерпимой духотой — в зале, всегда отличавшемся превосходной вентиляцией, она на этот раз почему-то не работала.

Александр Исаевич для начала немного разочаровал публику, сказав, что на присланные записки отвечать не станет, а заберет их с собой и уж потом поработает с ними. Напомнил он также, что не мессия он, а писатель, и приехал за тем, в частности, чтобы выслушать людей и больше узнать о жизни российской провинции. А потому и предлагает построить встречу, как обычно они проходят: желающие могут высказаться, он запишет и в конце постарается ответить на вопросы елико возможно. На том и порешили.

Вот тут-то все и началось. Атмосфера накалилась мгновенно. Уже первые выступающие задали тон. Досталось всем: правительству, Президенту, местным властям, правоохранительным органам. И, разумеется, журналистам, которые пишут не о том и не так. Одна женщина так и сказала (не имею возможности цитировать дословно, но смысл таков): прошлое охаивают, а в настоящем не видят ничего, кроме воров в законе, рэкетиров, проституток и “раздавленных собак”. А в это время идет война в Чечне, гибнут наши дети в Таджикистане, сотни тысяч беженцев мыкают горе по всей России. Где традиции русской публицистики, не проходившей мимо страданий народных? Ее заменили описания конкурсов красоты, всевозможных презентаций и тусовок.

Солженицын внимательно слушал и записывал, записывал самым примитивным образом — ручкой на бумаге. И тем самым невольно подогревал страсти. Все, кажется, забыли, что он писатель, и обращались к нему как к заступнику, пророку, чуть ли не царю-батюшке. Кто-то даже предложил выдвинуть его кандидатуру на пост Президента к будущим выборам, на что Александр Исаевич только широко улыбнулся. Одна выступавшая сказала, что своим приездом Солженицын “освятил Самарскую землю”.

В зале между тем нарастал и креп синдром Бобчинского, верный признак тусовки: “Если этак и государю придется, то скажите и государю, что вот, мол, ваше императорское величество, в таком-то городе живет Петр Иванович Бобчинский”. Один студент аэрокосмического университета долго не отходил от сцены,

жалуясь, что его, начинающего писателя, не печатают. Он был так настойчив, что Солженицын не выдержал, вспылал, напомнив, что его тоже долго не печатали.

Можно понять тех, кого привели на встречу с писателем личные несчастья, бесплодные усилия добиться справедливости. Для них любая возможность излить свое горе — надежда: а вдруг услышат, помогут, наконец. Сердиться на них, обижаться — грех. Об этом Солженицын сказал потом.

Но были и другие, избравшие методом “борьбы” кликушество, истерику. Рабочий ЗИМа Виктор Котельников, член партии “Диктатура пролетариата”, прямо заявил, что намерен со товарищи затеять новую пролетарскую революцию. Его поддержал другой зимовец, председатель стачкома (не разобрал фамилию). Причина будущей революции — задержка зарплаты. Без денег жить действительно невозможно, но не лучше ли поискать другие, более разумные пути устранения данной несправедливости, чем ввергать страну в новый хаос и гражданскую войну. Тем более что результат известен — вековое отставание от мировой цивилизации.

Впрочем, Виктор Котельников — человек еще очень молодой и знает о революции по книгам социалистического реализма да кинофильмам вроде “Неуловимых мстителей”. Александр Исаевич же все это видел своими глазами: братоубийство гражданской, голод, тюрьмы, лагеря. Он **пережил** это и знает цену романтическим вестернам о тех временах.

Справедливости ради надо сказать, что были и дельные выступления, проникнутые мыслью и болью за наше прошлое и настоящее, тревогой за будущее. Выступили невольные “коллеги” Солженицына — бывшие политзаключенные и их дети, участники демократического движения, задававшие один вопрос: “Почему потерпела поражение демократия в России?” Один седой человек назвал существующий режим лжедемократией — партократией и предложил... возродить Советы, выполнив таким образом завет Ленина.

Александр Исаевич согласился с ним, но только в первой части, сказал, что демократии в России, действительно, нет, “ею не пахнет, она у нас не начиналась ни одного дня”. Он считает, что “мы попали в жесточайшую беду”, что “российский корабль течет в 150 дырах сразу”. Реформы, по его мнению, начались и

идут неправильно, в ущерб основному населению, но в интересах малой части непорядочных, нечестных людей. В своем выступлении он выделил несколько проблем, напомнив, что говорил о них в телевизионных передачах, которых прошло уже более 30.

Одна из важнейших проблем — это “отрезанные соотечественники” с распадом Союза. Их 25 миллионов. “Это затмение национального сознания”, — сказал Солженицын. Во всем мире грузины помогают грузинам, армяне — армянам, евреи — евреям... И только русские равнодушны к бедствиям русских, оказавшимся в “ближнем зарубежье”. То же можно сказать о беженцах и переселенцах, коих принимают у нас, мало сказать, равнодушно — неприязненно.

Другая животрепещущая проблема, по мнению А.И. Солженицына, “земельный закон”. Он ехал в Россию “с величайшей тревогой”, услышав о том, что землю в стране собираются “пустить с аукциона”. Скупают ее тогда “грязнохватые” (так он называет “новых русских”), а крестьяне снова останутся без земли. Напомним, что 76 процентов земель в царской России принадлежало крестьянству. Ленин обещал землю крестьянам. Обманул. Теперь может произойти то же самое. У нас до сих пор нет земельного банка, нет государственного документа о реабилитации крестьянства, разоренного и уничтоженного большевиками. Нужен закон, закрепляющий пожизненное наследственное владение землей, которую крестьяне должны получить бесплатно или под низкие проценты.

До революции Россия кормила хлебом себя и Европу. И не только хлебом. Сибирские маслодельческие артели славились своей продукцией далеко за пределами России. В Голландии сибирское сливочное масло подмешивали в свое, чтобы улучшить его качество.

Революция, о которой снова мечтают неолевые, разрушила сельское хозяйство России, а потом, как ни старались его “поднять”, не смогли, вынося постановления и тратя попусту огромные деньги. Ибо отняли у крестьян основу основ — землю. Нам важно, чтобы земля давала урожай и кормила страну? Это будет, когда крестьянин станет хозяином своей земли. Иначе так и будем импортировать еду.

Так говорил Солженицын. И своими словами не всем угодил. Шум и выкрики в зале нарастали, так что Александр Исаевич

вынужден был остановиться. “Первый раз такое встречаю. Если хотите, я уйду”, — сказал он. И смягчившись, сам же объяснил ситуацию: “70 лет не давали говорить, что ж тут удивительного, если нет культуры собраний. Надо терпеливо учиться. Учиться говорить и слушать. Я никого не прерывал. Выслушайте и вы меня”.

“Революция уничтожила только российское крестьянство, — продолжал Солженицын. — Произошло уничтожение духовенства, дворянства, купечества. Почему у нас такая смрадная атмосфера не только в этом зале, в стране? Потому что душевного очищения, раскаяния не было. Германия очистилась, а мы — нет. Потому и путь наш к возрождению удлинится лет на 40”.

Здесь многие критикуют власть. Часто справедливо критикуют. Но важно понять, что “никакая власть не может создать народное благополучие, оно создается снизу, самим народом”, подчеркнул Солженицын.

Именно поэтому он такое значение придает местному самоуправлению, идею которого выражало земство в России. И это не какой-то сугубо российский, “семяжный”, институт. Местное управление развито во многих странах: земли — в Германии, кантоны — в Швейцарии, штаты — в США и т.д.

История земства в России насчитывает шесть веков. Во времена Минина и Пожарского именно земство спасло Россию. Земские соборы играли огромную роль при Алексее Михайловиче, который выносил свои вердикты не иначе, как на основе решения земского собора. Петр I уничтожил земские традиции, с него и началось падение земства. Но это долгий разговор. И отдельный. Ему была посвящена специальная конференция в Самаре. На встрече с общественностью Солженицын просто не мог обойти молчанием близкую ему, выношенную и выстраданную им тему. Завершая эти заметки, хочу сказать следующее. Разные люди и с разными целями пришли на встречу с писателем. Одни хотели выслушать и понять что-то новое для себя. Другие — просто увидеть живого классика. Третьи — пожаловаться на судьбу. Четвертые — бросить ему в лицо довольно расхожий упрек: вы 20 лет прожили в Америке, а теперь приехали нас учить, как жить. Для тех, у кого плохая память. Солженицын не уезжал из России. Его выслали из страны, вывезли на самолете, лишили родины и гражданства. И то только потому, что он уже был всемирно известен.

В противном случае его просто сгноили бы в тюрьме или психушке, как это было со многими.

Солженицын всегда жил честно, трудился в поте лица и помышлял лишь о благе России. Он вернулся, когда это стало возможно. С ним можно не соглашаться, можно спорить. В одном его нельзя упрекнуть — в корысти. Его совесть чиста. Перед народом, перед Россией, перед самим собой. В его искренности невозможно усомниться. Пусть он в чем-то заблуждается. Ни один человек не может быть прав на все сто. История это не раз доказала. Мне, например, кажется слишком категоричным его утверждение насчет демократии в России. Кое-какие признаки ее все-таки есть, пусть слабые, едва заметные, но есть. Иначе сама эта встреча была бы невозможна.

Самарские известия. 1995. 12 сентября.

НА ПРОКЛЯТЫЕ ВОПРОСЫ ДАЙ ОТВЕТЫ НАМ ПРЯМЫЕ...

Грустное, удручающее, тягостное впечатление произвела встреча знаменитого писателя А.И. Солженицына с жителями Самары. Причем такой горький осадок остался не от самого общения с мэтром литературы, не от его высказываний, а от агрессивности и бескультурья некоторой части публики. Стыдно было за отдельных самарцев, как они выплескивали на Александра Исаевича и весь зал свои проблемы, негативные эмоции, требования немедленного решения жизненно важных для них вопросов. Такого нетерпения и нетерпимости, гнева и агрессии, многословия и словоблудия я, откровенно признаюсь, не ожидала от своих соотечественников. Срамota и стыдобище! Ведь сказано же святыми: “Жестокое и немилостивое сердце никогда не возможет очиститься”.

Но писатель с пониманием и смирением отнесся к митинговщине, сказав, что горячая атмосфера в зале отражает накаленность политической температуры в обществе.

Теперь о самой встрече. В минувшую пятницу актовый зал бывшего Дома политпросвещения собрал представителей разных социальных слоев и разных возрастов — от юнцов до убеленных сединами людей военного поколения.

— Друзья мои, я пришел не с готовой речью, — начал А.И. Солженицын, — и не отвечать на ваши записки, я их увезу с собой. Мне интересно знать ваши настроения и мнение.

О Боже! Что тут началось. Зимовцы говорили о возможности вооруженного восстания. Господин Вишневецкий глаголил о необходимости прихода к власти новых людей. А предприниматель Зиновьев жалился на беспредел властей и правоохранительных органов, задавая вопрос, пригодна ли для России западная либеральная модель. Дважды захватывала микрофон пенсионерка Кривопалова, жалуясь, что национальный парк отнимает у нее усадьбу в Шелехмети. О невозможности увидеться с сестрой, живущей в Ашхабаде, говорила бывший инженер 4-го ГПЗ Садикова.

Представитель технической интеллигенции Леднева обвиняла правительство и президента в преступлении века – войне в Чечне, а также журналистов, пишущих не на актуальные темы. О болезнях отца – учителя физики поведал самарский студент, еще он жаловался, что его литературные опусы не хотят печатать.

Алексей Школьников, сказав, что нынешнее руководство страны продает Россию в розницу и оптом, пожелал узнать мнение писателя о том, что творится в стране. Валерий Карлов объявил, что демократическое движение захлебнулось, в правительство пришли жулики.

Привожу по одному предложению из выступлений, а они были долгими и нудными, порой трудно понятными, так произносились эмоционально и страстно. Эмоции бушевали в зале. Поражало число людей, желавших говорить, говорить, говорить... Хотя в зале и раздавались выкрики: “Прекратите этот митинг!”, “Хватит!”, “Дайте же слово Солженицыну!”

Наконец Александр Исаевич взял микрофон. Он говорил о своем видении больших вопросов России. В частности, он считает, что у нас в стране нет демократии.

– Российский корабль, – обратил внимание писатель, – течет в 150 дырах сразу. Он попал в жесточайшую беду. И сразу все вопросы решить нельзя. Их надо решать постепенно.

Он выделил несколько главных проблем.

Позор для России и ее правительства, считает А.И. Солженицын, – 25 миллионов русских, брошенных на произвол судьбы в республиках бывшего Союза. И как неприязненно мы принимаем вынужденных переселенцев. Нам чуждо сострадание.

Умники-реформаторы решили просто – продать землю с аукциона, негодовал писатель. Ее, конечно, быстро раскупят грязноваты, жулики, иностранцы. Этого нельзя допустить! Необходим земельный банк, который бы под низкий процент давал землю в пожизненное наследственное владение. А земельный комитет следил бы за эффективностью и экологичностью землепользования.

Александр Исаевич говорил, что еще в ГУЛАГе в 1946 году он знал, что коммунизм рухнет. Основная проблема – как выходить из этого строя. Необходимо постепенное оживление, система малых шагов. А что получено за десять лет реформы? Разрушенные экономические связи. Свободные цены при монополизме предприятий.

А главное — не произошло раскаяния, считает писатель. Не произошло духовного очищения. Поэтому так долгод и мучителен путь России к обновлению.

Высказал Александр Исаевич свое мнение и о предстоящих выборах в Госдуму:

— Российская избирательная система насквозь фальшива. Она требует явки 25 процентов населения, внесенных в списки. О каких всенародных выборах может идти речь?! И еще: если ты занялся политикой, то должен отказаться от всех правительственных постов и коммерческих должностей. В России все это возможно.

Писатель вполне определенно высказался относительно силовых методов решения экономических и политических проблем:

— Если в стране начнутся повсеместные стачки, забастовки, тем более вооруженные конфликты — все, Россию можно хоронить. Это будет похлеще Югославии. А потому высшее руководство и директора предприятий должны договариваться с работниками и народом, находить точки соприкосновения и общий язык. Чувство понимания — это очень важно.

Я уходила со встречи Солженицына с самарской общественностью с мыслью: нельзя требовать от писателя ответов на все острые политические и экономические вопросы, чего требовала от него аудитория. Он не мессия, а художник, который в силу своего таланта отражает нашу бурную действительность в своих литературных произведениях. Дай, Бог, здоровья этому, несмотря на возраст, энергичному, равнодушному человеку, патриоту своей страны.

Волжская заря. 1995. 13 сентября.

АЛЕКСАНДР СОЛЖЕНИЦЫН: “55 ЛЕТ ИЗ 77 Я ПРОЖИЛ В РОССИИ”

8 сентября 1995 года А. И. Солженицын встретился с жителями города Самары в Доме политпросвещения. Главным в выступлении писателя был вопрос о земстве, о возвращении функций народного самоуправления народу. Александр Исаевич с вниманием выслушал рабочих, колхозников, студентов и представителей интеллигенции нашего города. Он вкратце ответил на вопросы, волнующие самарцев. Вечером 10 сентября писатель выступил в прямом эфире на телеканале “РИО”. Вот несколько вопросов и ответов, прозвучавших на этих встречах.

— Почему в продаже нет ваших книг?

— Я всегда был уверен, что мои книги вернуться в Россию раньше меня. Вышло совершенно иначе. Когда издали “Архипелаг “Гулаг”, почти все государственные книжные издательства развалились. Моя жена договорилась с Ярославским книжным издательством об издании трехтомника одной публицистики — выступления на языковые, нравственные, религиозные темы. Но тираж ограничен.

— Как вы можете разбираться в нашей жизни, если последние годы прожили за границей?

— Из своих 77 — 55 лет я прожил в СССР и принципиально — в провинции. За эти годы очень хорошо изучил нашу страну. 20 лет я занимаюсь историей России и поэтому имею право говорить, что разбираюсь в текущей жизни страны...

— Почему вы так много ездите по стране и мало пишете?

— Меня увлекло то, что сейчас происходит в России, и я могу своим мнением, своей критикой как-то помочь. Решил объездить всю страну, чтобы изучать происходящее на месте. И уже объездил многие уголки. Но по-прежнему много пишу...

— Россия должна быть страной царя, Советов или президентов?

— В вопросе упрощенно, сжато поставлено нечто несоединимое. Монархия — это декорация. На самом деле никакой монархической власти нет. Царь строил свое правление на том, что он помазанник Божий. Нам необходимо народное самоуправление,

или, говоря по-русски, земство. Советы были сформированы совсем по другому принципу, чем земство. Они никогда не представляли интересы народа. Президентская конституция совсем себя не оправдывает...

— Ваше мнение, Кавказ — это часть России или все же отдельная страна?

— Этот край мне бесконечно дорог. Я родом из Кисловодска. Исторически сложилось, что Россия — страна многонациональная. Нам необходимо уйти из Закавказья и Средней Азии. Признать независимость Чечни я призывал еще в июне 1992-го.

— Где вы познакомились с К.А. Титовым?

— Мы встретились с ним на кремлевском совещании о народном самоуправлении. Он сказал мне, что хочет в Самарской области организовать земство. Далекое не все губернаторы хотят этого, многие боятся. Но это — наше будущее. Меня интересует то, что в Самаре начался земский процесс, медленный и трудный. Губернатор Титов содействует этому процессу в силу своих возможностей.

— Что вас связывает с Самарой?

— С каждым местом что-то связано. В 1939 году мы с товарищем приехали в ваш город на лодке. Здесь мы ее продали. В 1950 году я был у вас на пересылке, об этом написано в “Архипелаге Гулаг”.

— Как вы относитесь к людям, которые, заработав деньги, уехали за границу?

— Как они заработали эти деньги? Ясно, что не своим собственным производством. Если бы заработали производством, то не уехали бы от своего куска хлеба. Они воровали. Тех, кто честно поехал работать, я не упрекаю, но те, кто наворовал, достойны осуждения.

— Если коммунисты придут к власти, что вы будете делать? Сбежите вновь в Америку?

— Это сплетня, что я сбежал в Америку. Меня арестовали, восемь человек потащили силой в Лефортово. Выбросили насильно в Германию. Я не сбежал, сбежала третья эмиграция. Если бы я не уехал, меня бы арестовали. Если коммунисты придут к власти, я буду вести себя так же, как сейчас.

— Какая партия или движение сегодня вам ближе?

— Я очень сожалею, что у нас все партии надуманные. Ни одна из них не имеет корней в народе. В земской России никаких

партий не было. Были сословия. Я противник принципа партийности. В переводе с латинского “партия” — это “часть”. Я ни одну партию не поддерживаю, потому что они отказываются идти на равное противоборство.

— Как вы считаете, чем можно помочь обманутым вкладчикам? Ведь их миллионы

— Я знаю эту боль. Это жульничество государства. У меня нет экономических знаний, чтобы сказать, как помочь. С ними поступили преступно — их обмануло государство!

— Есть в Кремле человек, которому вы доверяете на 100%?

— Я персональными характеристиками не занимаюсь и никому не хочу их давать. Люди приходят и уходят. Мы ведем разъяснительную политику по отношению к себе, к своей нравственности, к своей жизни.

— Каким вы видите будущее России через пять лет?

— Верю в живые силы нашего народа. Верю, что мы выберемся из этого кошмара. Путь будет долгий, изломанный, мучительный. Пять лет — ничтожный срок для этой цели.

— Откуда вы черпаете жизненные силы, какая вера у вас была по жизни?

— Я верю в то, что служу России. То, что я делаю, поможет нашему народу.

— Ваши творческие планы?

— “Воениздат” планирует издать мое полное собрание сочинений из 24 томов. Продолжаю писать рассказы.

Записал М. Грачев
Вольнодумец. 1995. 30 сентября.

СОЛЖЕНИЦЫН В САМАРЕ. С ЧЕМ ПРИЕЗЖАЛ?

О Солженицыне сейчас все знают. И о трагической судьбе, и о масштабах личности, и о жизненном подвиге, в котором подвижническая работа гражданина и литературная работа неразделимы. Слишком часто современная литература показывала и показывает образцы другого плана, и мы уже стали привыкать к этому. Литература-профессия, литература-образ мышления, не говоря уж о литературе-конформизме, приспособлении к жизни — это не про него.

В его судьбе все вопиет о судьбоносности отдельной человеческой жизни, непростом назначении, и литература — это как вздох, как дыхание — естественна и проста.

Вроде бы знаем о Солженицыне все: боевой офицер, потом зек, провинциальный учитель, потом всемирно известный писатель, Нобелевский лауреат. Потом диссидент, гонимый и презираемый властями, изгнанный из Союза писателей, а потом и из страны, “вермонтский затворник”, изолированный от России, и человек, который живет этой Россией и посылает ей не проклятия, не воздушные поцелуи, а сигналы космической величины. Помню, таким документом (иначе не назовешь) стала его работа “Как обустроить Россию” опубликованная в “Комсомольской правде” и надолго занявшая умы и почитателей автора, и его противников. Как можно издаека знать и совокупно понимать нашу сложную и противоречивую жизнь? Этот вопрос, кажется, тогда задавали все согласные и несогласные с советами писателя, да и я так думал. Помню, даже принимал участие в обсуждении этой работы Солженицына в кабинете политпроса в райкоме партии: “Вот в этом вы, Александр Исаевич, не правы и в этом...” А он был прав в одном, самом главном: россияне должны освободиться от зашоренности и духовной униженности, строить свое будущее не по плану очередных перестроечных рецептов, а через раскаяние и возрождение обрести новую жизнь.

В этот свой приезд в Самару Солженицын скажет по поводу всех наших сегодняшних бед и несчастий: духовного очищения

у нас не было, раскаяния не было. Поэтому наш путь к нормальному, демократическому, “обустроенному” обществу будет на двадцать-тридцать лет дольше.

Что же касается незнания России — на Самарском телевидении ему тоже был задан такой вопрос, писатель скажет так: все эти годы я знал о России все, я знал и чувствовал все происходящее в ней, изучал и ее историю и думал о современности. И только тогда — зная все — я решил вернуться на Родину, чтобы, высказывая свои взгляды, быть ей полезным.

Примерно так сказал Александр Исаевич.

* * *

Интересно, что человека, которого так много травили и который вроде бы должен болезненно воспринимать вопросы такого рода, думает не о самооправдании, а просто поясняет, почему он вернулся в Россию, почему приехал в Самару. Ему важно, чтобы его услышали по важнейшим “линиям”, как он считает, его анализа современной российской жизни — это главное. Вот он сидит за столиком перед переполненным залом бывшего Дома политического просвещения (ирония судьбы — он тоже сейчас занимается политпросвещением!) и терпеливо записывает выступления моих самарцев, толковые и бессмысленные — аж в два микрофона он впитывает, чтобы осмыслить, узнать мнения, наверное, проверить себя. Он все еще продолжает тот свой труд “Как обустроить Россию”. Потом будет слушать мнения тольяттинцев, жителей Кинельского района, студентов, губернатора — он работает на людях, которые относятся к нему не как к Нобелевскому писателю, а как к духовному устройтею нашего разнодумающего и заблудившегося в политических и иных разночтениях общества.

Проповедник? Мессия? Ничего подобного: бородатый, простоватый мужик в годах, земной и крепкий мужик, без тени позы, значительности, величия. Работник. Работник и мудрец. Не говорите мне о том, что течет крыша, говорите, как восстать духовно, всем, тогда и крыша приложится...

* * *

Отношение людей к Солженищину — особый вопрос. Кажется, совсем недавно, когда писатель вернулся на Родину, “общественность” (кто знает сейчас, что скрывается за этим словом?)

вела себя весьма странно. Ну, есть такой великий (замечательный, крупный, известный) писатель, ну, и что из того? Жил бы там в своих америках и вещал. А мы сами с усами. “Заискивание перед знаменитостью и глумление над гением растут из одного корня и одинаково недостойны” — это из прошлогодней “Литературной газеты”. Значит, было и то и другое, и важно не констатировать это, важно понять, что феномен Солженицына (читай — его жизнь, судьба, личность) для моего поколения горький урок познания самого себя, умения (вернее, неумения) быть духовно и нравственно устойчивым в самых сложных и противоречивых обстоятельствах, касается ли это каких-то событий или каких-то персоналий. Боже мой, как только мы не шарахались из стороны в сторону в отношениях к Солженицыну! Разрешенная властями (Хрущевым) и потрясшая всю читающую Россию повесть “Один день Ивана Денисовича”, опубликованная в “Новом мире” в 1962 году, первая точка отсчета. Возрадуемся, что мы распознали появление крупного художника, у которого правда была и первым, и последним смыслом. Устыдимся, когда верили, что все официально-стукаческие инсинуации вокруг имени Солженицына имеют под собой почву. Можно назвать это наивной доверчивостью, но не лучше ли конформизмом. Удобно ведь было верить. Да и бдительность у нас, детей “развитого социализма”, была на грани фантастики.

Помню, редактор областной газеты дал мне почитать “разоблачительную” книгу о Солженицыне, написанную неким чешским журналистом и изданную у нас с грифом “для служебного пользования”. Для начальства то есть. Поминался в ней, между прочим, и один мой автор, проживающий в Ширяево и которого я, естественно, знал (не называю его имени, его нет в живых). Он сидел в одном лагере с Солженицыным, и чешскому “разоблачителю” устроили с ним встречу. А вскоре появился и сам мой знакомый мужичок с воспоминаниями о солагернике. Естественно, определенного плана — травля Солженицына тогда достигла самого пика. Только нежелание петь в общем хоре, “добывать слабого” остановило тогда меня, и статья не была напечатана. Но ведь и я тогда верил всем этим наветам...

А разве не разделял я расхожее мнения, которое было у многих перед возвращением писателя на Родину: что это он медлит, ставит какие-то условия и все такое прочее. А писатель Евгений

Лазарев, который вел встречу самарцев с Солженицыным и произнес блестящее и искреннее “Слово” о Солженицыне, в ту пору в какой-то заметке упрекнул: “Ну что это вы, Александр Исаевич, вам открывают калитку, а вы — сноси весь забор!..” И я эту заметку опубликовал, думая так же.

Время лечит, но как трудно признаваться в своей вчерашней незрелости.

* * *

А ведь, пожалуй, прозорлив и прав был Лазарев насчет завтра. Только в другом смысле.

Взгляды Солженицына на нынешнее состояние нашего общества, которыми он поделился с самарцами, отличаются определенностью и резкостью. Кто-то спросил его; а если изменится политическая обстановка и высказывать их будет небезопасно? Он ответил: ничего не изменю, буду говорить народу правду.

* * *

О своей нынешней деятельности.

Российский корабль течет в 150 местах сразу, и нет такой преимущественной дыры, заткнув которую, Россия была бы спасена. Я выбрал для себя несколько преимущественных направлений. С которыми работаю.

Беженцы. С распадом Союза мы бросили 25 миллионов своих соотечественников. Правительство их бросило. Но и мы их бросили. Беженцев встречаем плохо (“Жил бы там...”) Они страдают, мы их держим за нищих.

О земельной реформе. Я ехал в Россию с великой тревогой, потому что слышал, как умники в Москве думали продать землю с аукциона. Кому? Грязнохватам! Нам важно, чтобы земля давала урожай и кормила страну, важно, как она используется. Великая столыпинская реформа предусматривала это. А у нас нет для крестьян даже земельного банка, чтобы под низкий процент можно было начать дело. Земельный комитет должен следить, как используется земля. Плохо — бери деньги назад и вон! Он же осуществляет и экологический надзор. Принцип: пожизненное наследственное владение землей.

О реформах. Всю систему не трогать, постепенно оживлять новые экономические отношения. Свобода цен при монополий производителей — ошибка.

О выборах. Никакая власть не может создать народной жизни. Только народ может ее создать. Путь — восстановление земства. Оно будет рождаться медленно, но должно родиться. Сначала на уровне старост, затем на волостном уровне и выше. Кого вам нужно избирать: бескорыстных и честных людей. Умных. Мужественных. Надо соблюдать свои традиции, не отказываясь от того, что есть разумного на Западе. Но не отказываясь от своих традиций. У нас великая культура, великий уклад.

О русскости. Почему русские так притеснены в своей русскости? Это нелепо — русский фашизм. Его нет, и он невозможен.

О народовластии. Советы никогда не представляли весь народ. Будущее — за земством

* * *

Это — конспектно — некоторые мысли писателя. Резко? Круто? С надеждой. Ну, а мы разве не живем надеждой?

Прочитал где-то недавно, что историческая жизнь в России исстари распадается на три идущие друг за другом волны — реформы, безвременье и история. С опаской было сказано: чего это ожидает нашу страну? А вот Солженицын, который только что сказал, что у нас нет демократии, прилюдно целуется с сельским старостой, который выбран год назад, и уже эту демократию осуществляет.

Повторим еще раз его слова: только народ может создать народную жизнь.

Волжская коммуна. 1995. 19 сентября.

АЛЕКСАНДР СОЛЖЕНИЦЫН ВТОРОЕ ПРИШЕСТВИЕ

Тольятти в числе других российских городов посетил лауреат Нобелевской премии, писатель и общественный деятель Александр Солженицын.

Чрезвычайно насыщенный субботний день для Александра Исаевича начался со встречи с вице-мэром Евгением Пересветовым. Следующим собеседником стал известный тольяттинский правозащитник и художник Михаил Зотов. Далее гостю предстояло знакомство с городом и его достопримечательностями. Посетив в Автозаводском районе дом причта, Солженицын ознакомился с макетом будущего храма Преображения и его библиотекой. В ДКиТ ВАЗа состоялась встреча писателя с преподавателями и учащимися частной школы имени Льва Толстого и Православной гимназии.

Основным событием дня стала встреча с жителями города в зале ДК АО «Синтезкаучук». Александр Исаевич попросил всех желающих коротко рассказать о самом наболевшем. Проблемы, волнующие тольяттинцев, наверное, не отличаются от всероссийских: Чечня, бедственное положение в медицине и образовании, рост преступности, издержки приватизации.

Подводя итоги встречи и кратко изложив собственный взгляд на поднятые проблемы, Нобелевский лауреат не забыл упомянуть о своем первом визите в 1939 году в наш город, но не в Тольятти, а в Ставрополь Волжский. «Я не хочу повлиять на ваш референдум, — сказал Александр Исаевич, — но кто такой был Тольятти? Коминтерновец...»

Столько же, сколько и вся встреча — час с небольшим, — продолжалось подписывание автографов: «Я не уйду, пока не подпишу последней книги».

Площадь свободы (Тольятти). 1995. 12 сентября.

Вечером 9 сентября Александр Солженицын прибыл на встречу с общественностью г. Тольятти во Дворце культуры АО “Синтезкаучук”. Представители общественности города, числом около тысячи человек, стоя приветствовали лауреата Нобелевской премии.

Согласно обыкновенному для подобных встреч распорядку, Александр Исаевич некоторое время внимал “мнениям, суждениям, надеждам и жалобам” горожан, делая пометки в рабочей тетради. Выслушав депутата Госдумы, водителя, инженера, ветерана Великой Отечественной, фермера, преподавателя, журналиста, работника НИИ, пенсионера и проч., Солженицын взял слово:

— Надо сказать, что все, о чем сегодня мы говорим, повторяется от одного собрания к другому настолько, что, кроме некоторых частных выражений, я мог бы просто прийти и сказать вам сразу ответы на то, что я сегодня слышал. Это понятно. Потому что есть много единого в состоянии людских умов, людских настроений и людского быта... Я по телевидению выступаю почти уже год. И на многие, на многие вопросы, которые сейчас задают, я уже ответил всем — миллионы слушали. Приходят новые и говорят: “Объясните снова”.

И Александр Исаевич объяснил, конспективно излагая в течение сорока минут свою точку зрения на актуальные проблемы истории и современности. Солженицын говорил о Чечне, о себе, о земле, о “грязнохватах”, о приватизации, о преступности, о смуте 1612 года, о земстве, о покаянии, о Гайдаре... Немногочисленные оппоненты из зала, несуразно вменявшие Солженицыну в вину пропаганду американского образа жизни, отрыв от российской действительности и др., получили короткий и решительный отпор, поддержанный значительной частью аудитории.

Одержимый болью за всю Россию, Солженицын во время своих поездок по стране, как известно, на местах принципиально не дает персональных оценок, не выносит “частных определений” в отношении посещаемых провинций и провинциальных властных элит: философу претит сиюминутность. Тем не менее, заканчивая выступление в Тольятти, Солженицын позволил себе

одну частность, высказал свое мнение о названии города — понятно какое. Как стало известно, днем Александр Исаевич увидел в тольяттинской мэрии бюст Василия Татищева — основоположника российской исторической науки и основателя Ставрополя-на-Волге — и был счастливо изумлен приятностью встречи (а равно, надо полагать, и радению молодой местной власти, поддерживающей идею городского референдума по вопросу о наименовании Ставрополя — Тольятти).

— Я здесь, в Ставрополе Волжском, был впервые в 1939 году. Я был студентом и вместе со своим другом мы спустились по Волге — просто лодку купили в Казани и спустились по Волге. Пристали. И пошли ходить по этому городу, где еще улицы были песчаные. Взяли мы в песках — такие улицы были. Смотрели и думали — какой чудный город, с каким историческим прошлым и дыханием. Для меня он остался — Ставрополь Волжский.

Солженицын, однако, подчеркнул, что мнение свое он горожанам не навязывает: “Это — ваша судьба. Вы — хозяева”.

Прощаясь со ставропольцами — тольяттинцами, Александр Исаевич сказал:

— Наш разговор был плодотворен. Я благодарю тех, кто меня ругал, и тех, кто меня поддерживал. Я рад. Потому что мы должны просвещаться, мы должны взаимно общаться. Я сегодня уеду, а вы друг с другом общайтесь, пожалуйста, больше. Общайтесь.

Самарские известия. 1995. 12 сентября.

“МЫ ПРОСТЛАЛИ ДОРОЖКУ ГРЯЗНОХВАТАМ”

Солженицына встретили в Тольятти достойно. Его появление на сцене Дворца культуры АО “Синтезкаучук” сопровождалось длительными аплодисментами, часто прерывавшими речь писателя и в дальнейшем. Аплодировал полный зал стоя.

Не любя журналистов и навязываемые этим ушлым народом мероприятия, Александр Исаевич уже в самом начале встречи с некоторым даже раздражением сказал залу: “Вы мне вопросов не задавайте. Иначе это – пресс-конференция, а вы – журналисты, и мне здесь делать нечего. Я пресс-конференций не даю”. Именитый гость, как известно, в частном порядке объезжает российские города, общается с простыми людьми, чтобы узнать их нужды и проблемы.

К микрофонам в зале подходили разные люди: педагог и участник Великой Отечественной, простой пенсионер и бывший узник ГУЛАГа, фермер и работник научно-исследовательского института. Все, о чем они говорили, мы знаем – слышали, читали. Пенсионер с ностальгией вспоминал сталинские времена, фермер говорил о кредитах под непомерные проценты и низких закупочных ценах, бывший зек рассказывал о своей правозащитной деятельности в те еще годы, педагог спрашивал, каким вырастет новое поколение...

Да, без вопросов не обошлось, хотя и были они частью риторическими. Но многих интересовало мнение самого Александра Исаевича, его личность и некоторые моменты биографии.

С удивительным, даже из глубины зала, хладнокровием Солженицын конспектировал выступления, вроде бы спокойно выслушивая упреки в том, что являлся “проповедником западного образа жизни”, участником травли Шолохова, противником фракций и партий, призывы “быть новым Львом Толстым”. Наконец и он взял слово. Выступление приводится с сокращениями.

– К сожалению, многие, по всей видимости, не смотрели моих телепередач по понедельникам – я уже все или почти все сказал! Говорил о преподавателях... О врачах мало говорил – у меня с ними будет ответственная встреча, после нее буду говорить о врачах. О Чечне говорил – предлагал выход нашему правительству в июне девяносто второго. Нет, вдолбили себе идиотскую

мысль: если Чечню отпустим, то развалимся. Крым, казацки земли нам не нужны, люди на Украине, в Казахстане нам не нужны — соотечественники, Башкирия, Татарстан, лишь бы Чечню не потерять! Что еще говорить о Чечне — всем ясно и понятно, вот так Бог наказывает за неправильные решения...

Земля. Я ехал в Россию с самой жгучей болью — вот-вот примут преступный закон о земле. Сейчас лучшие центральные газеты и выдающиеся экономисты, всю жизнь проклинали капитализм, говорят: свободная продажа с аукциона, кто больше даст. А кто может больше дать — землероб, крестьянин, фермер? Даст грязнохват. Я не употребляю слов “новые русские” — я не хочу за ними признавать будущее! Или наши грязнохваты советской выпечки, или иностранные быстренько землю скупают, и мы останемся наемными рабочими без земли и без России. (Аплодисменты.)

Слава Богу, президент вычеркнул из закона пункт о земле. Но земля по-черному продается под коттеджи, хотя обвальная продажа земли с аукциона еще нет. Земельная реформа — труднейшая, у меня есть мнение о ней, я его высказывал на телевидении.

Приватизация. Я с самого начала говорил во всех залах: надо приватизацию немедленно остановить, пропустить через следствие и прокуратуру и только потом приватизировать дальше. И тут был гром аплодисментов. (Гром аплодисментов.) По каким-то непонятным причинам производства продаются за пять процентов их стоимости. Им говорят: “Что вы делаете?” — “Нам больше не дадут”. — “Так не продавайте!” Что наделала приватизация! Мы простлали дорожку грязнохватам, преступность для меня не новость, государственный аппарат пророс преступностью. (Аплодисменты.)

Надо говорить о сути идущих процессов. Процессы идут с тысяча! девятьсот! семнадцатого года! (Аплодисменты.) Еще в сорок шестом году мне, и не только мне, было понятно — коммунистическая система работает в тупик. Мы создали неповоротливую, жестокую, тупую систему, но выйти из нее — нужен разум. Эту всю махину не трогать, а медленно дать ей оживление снизу, перестать запрещать коров, перестать отрезать участки, лишние четыре сотки, перестать запрещать маленькие лавочки — социализм от этого не развалится. Дайте людям наесться, одеться, обуться. Все живое растет снизу вверх, а у нас все делалось сверху вниз, и не только в большевистский период. В семнадцатом веке была смута, самозванцы сбежали или их убили, бояре сбежали, и поляки заняли Москву. Но народ был иници-

ативен, собрал ополчение, освободил столицу, установил земскую власть.

Земству шесть веков. В прошлом веке оно возрождалось и цвело. В земском соборе никто не голосовал, ибо это – западный способ. Один человек – один голос. Человек преклонного возраста, огромного жизненного опыта и сопляк, рабочий человек и бродяга, алкоголик – каждому один голос? А в земских соборах убеждали друг друга и, как ни странно, – часто до полного единодушия.

Этот строй был утерян с петербургского периода, с нашего Петра, так называемого Великого – и пошло, и пошло. Петр Первый и был самый первый большевик. Все сломал – народный характер, народные традиции – с ненавистью, бессмысленно ломал...

Возрождалось земство с середины девятнадцатого века. Все становилось лучше и лучше. Перед первой мировой войной наша страна была процветающей, она была гордостью планеты. Мы кормили зерном всю Европу, сливочным маслом... Одну минуту. (Шум и крики в зале.) Я понимаю – вам Сталина нужно. А потом начался большевистский переворот... Я не понимаю – чем недовольны (Голос из зала: “В лаптях ходили при капитализме!”) Ага, понятно, я добавлю: телевидения не было и авиации.

– Вы подняли историю, я должен рассказать – я двадцать лет занимался в изгнании только одной историей! Мы в семнадцатом году разрушили великолепнейшую державу. (Аплодисменты.) В советские годы было не только бесплатное образование и здравоохранение. Сперва было полное уничтожение священства, потом уничтожили дворянство, разорили купечество – это вас не касается, понятно. Но потом крестьян, ваших отцов и дедов, сослали пятнадцать миллионов в тундру, в мороз! С младенцами, на телегах! (Аплодисменты.) Это вас не касается?!!

При переходе от коммунизма к новой жизни нам нужно было нравственно очиститься, чтобы каждый насильник, убийца, притеснитель вышел и раскаялся. Очистилась бы обстановка, и не было бы этих грязнохватов и сегодняшней преступности. Но вспомните девяносто первый год – “не надо охоты на ведьм!” Боже упаси кого-нибудь тронуть! Германия очистилась, Германия процветает, а мы – в грязи. И не думайте, что будет хорошая жизнь, не надейтесь. (Аплодисменты.)

Гайдара упомянули. Я хочу напомнить, что впервые эту реформу предложил Международный валютный фонд, и первым

к ней подскочил Явлинский. Кричали: “Проект Явлинского, проект Явлинского”. Потом замолчали, что произошло — не знаю. И началось: “Проект Гайдара, проект Гайдара”. А состояла эта “величайшая” реформа в том, чтобы отпустить цены в один момент. Это неплохая идея, если множество производителей производят один и тот же продукт. Рынок, друзья мои, у нас не начинался, ни одного дня, у нас полный хаос, а не рынок. У нас дали свободу отпуска цен кому? Монопольным производителям. Ну и стали они вздувать цены — в два раза, в пять раз, в пятнадцать, в пятьсот, в тысячу — пожалуйста!

Были ли у нас реформы? По-серьезному реформы у нас не начинались. Реформа есть разумная конструктивная планомерная система взаимосогласованных мероприятий. Что — у нас разве так было?! Освобождение цен, приватизация, захват земли, банки, банки, банки — особенно коммерческие. На черта нам нужны эти банки?! Сельхозбанк — вот что нам нужно. Который будет землю давать в наследственное пользование, бесплатно, по заслугам, с рассрочкой, малым процентом — его нет.

Теперь о выборах. Вы думаете, я что-нибудь хорошее сказал о выборах? Закон о выборах сегодняшний — фальшивый и несправедливый, Потому что мнение семидесяти пяти процентов вообще неинтересно, можете не приходить, пропадите пропадом! Думцы страшно боятся не собрать свои двадцать пять процентов, удушиться за них готовы. Я уже сказал: эту западную систему я не одобряю, но раз уж пошли по западному пути... Надо, чтобы те, кто проходят друг против друга, были абсолютно равны, мы должны знать его биографию без утайки, его доходы, расходы, и он должен, как на Западе, освободиться от любого участия в коммерческой деятельности. А у нас половина сегодняшних законодателей вот так запутались в коммерции! (Аплодисменты.)

Спрашивали: неужели один человек перевернет Россию? Ну конечно, нет. Я же говорил о земском собрании. Вот когда вы прошли в Думу не от партии, а сквозь все фильтры, все объяснения и вас признали — там выознакомитесь: “Иван Петрович, вы как думаете по такому вопросу, по такому? Вы знаете, и я — давайте объединимся”. И еще кто-нибудь, и будет фракция. Но не так, чтобы партия, не имеющая почти никакого влияния, искусственная, получала столько-то мест. Фракция голосует, и она решает всю нашу судьбу!

А еще: законом разрешено участвовать в выборах лицам, имеющим государственную должность. В Америке с ума бы сошли! Министр может баллотироваться — он ничего не теряет. А потом он выбирает — туда или сюда. А если он государственную власть имеет хотя бы в своем районе — он ее может применить. Это что — избирательный закон?!

Еще я вот что хотел сказать: вы меня не спрашивали, но я получал письма из вашего города. Надо чтить свою историю, нужно ее знать. Нашей истории тысяча сто лет. Большевики занимают четырнадцатую часть — столько они и имеют право занять. Я ходил по Ярославлю, это город-герой, который поднял в восемнадцатом году народное восстание против большевиков. Его задушили химическим оружием.

Нашлись знатоки, которые шли со мной по улицам города и рассказывали: здесь было сражение, здесь. Но я читал названия улиц, они почти сплошь — имена тех, кто подавил ярославское восстание.

Я посетил ваш город впервые в тридцать девятом году, мы с товарищем плыли на лодке от Казани, ходили по улицам, любовались этим старым городом — он и сейчас для меня не Тольятти, а Ставрополь Волжский. Основан самим Татищевым! Я рад был, когда сегодня увидел в мэрии бюст основателя города. Но...

Я не хочу влиять на ваши референдумы, ваше мнение, но выскажу свое мнение. Кто был Тольятти? Коминтерновец, да такой, который сумел пережить при Сталине все волны арестов. Он Сталину угодил. Кровь в Испании нужно было пролить — его послали. Приказ о роспуске Коминтерна подписать нужно — и это он сделал. И имя этого человека мы присваиваем такому огромному, перспективному городу! Ваша воля, ваша судьба...

Я благодарю тех, кто меня ругал, и тех, кто поддерживал. Я сегодня уеду, а вы общайтесь друг с другом, пожалуйста, побольше. И я очень прошу, я кланяюсь — по понедельникам без пяти, без десяти десять, раз в две недели — слушайте меня по телевидению. Я стараюсь говорить для всей России. И очень скоро, возможно, мои слова прекратят...

Записала Н. Биколова
Площадь свободы (Тольятти). 1995. 13 сентября.

Программа воскресного дня начиналась для самарского гостя А.И. Солженицына с возложения цветов к могиле Петра Алабина у Иверского монастыря. Это торжественное действо по поручению Александра Исаевича совершил ответственный работник обл администрации А.А. Прокопьев.

А Александра Исаевича тем временем уже ждали в Кинельском районе. В селе Алексеевка писатель посетил мемориал семьи Володичкиных, оставив в Книге почетных посетителей мемориального дома этой семьи следующую надпись: “Скорбный памятник наших безмерных народных потерь, неоплатных для родных и в дни Победы. Тяжко потерять стольких сыновей... Обезлюдил русская деревня после этой страшной войны, и надолго, надолго...”

Затем писатель побывал на сельском кладбище, где поклонился могиле матери девяти сыновей, чью жизнь забрала Великая Отечественная, — Прасковье Еремеевне Володичкиной.

В библиотеке села Алексеевка “певца ГУЛАГа” ждали только положительные эмоции: оказывается, этот подлинный очаг культуры не затухает: по-прежнему постоянно идет поступление новой литературы, специальной и художественной, по-прежнему велик спрос на книгу. По-прежнему много на селе людей, которые тянутся к знаниям.

В здании администрации г. Кинеля А.С. Солженицына встречали многочисленные поклонники его писательского таланта. Более часа Александр Исаевич давал автографы: подписывая новые, “с иголочки”, книги и старые, зачитанные чуть не до дыр журналы. И тихо разговаривал с людьми.

А потом в самом большом зале Кинельского района — во Дворце культуры совхоза “Комсомолец” Солженицын общался с сельской интеллигенцией. Сначала перед собравшимися и почетным гостем выступили юные артисты, а затем говорил Александр Исаевич. Говорил о жизни, о литературе, о России.

Самарские известия. 1995. 12 сентября.

Взял “КНИГУ ПАМЯТИ” В ПОДАРОК

Писатель Александр Исаевич Солженицын в сопровождении главы правительства Самарской области Ю.М. Логойдо побывал в селе Алексеевка Кинельского района, где посетил дом-музей семьи Володичкиных. Местные школьники преподнесли знаменитому писателю цветы и поблагодарили его за посещение старинного русского села. Солженицын с дотошностью интересовался историей Алексеевки, записывал в путевой блокнот даты, имена и события.

На площади у монумента матери и девяти сыновьям Володичкиным Солженицына ожидала толпа местных жителей. Автор “Архипелага ГУЛАГ” с удовольствием подписывал свои книги, а охапки преподнесенных ему цветов возложил затем на могилу Прасковьи Володичкиной. Правда, на предложение главы местной администрации осмотреть все кладбище Солженицын ответил отказом. “Я думал, оно старинное, православное, — огорчился гость, — а это обычное кладбище”. Здесь же, в Алексеевке, он изменил своей давней традиции не брать подарков. От “Книги памяти” Солженицын отказаться не мог.

В этот же день Александр Исаевич имел продолжительную беседу с районными руководителями, а завершил свою поездку по Кинельскому району встречей с общественностью поселка Комсомolec. Сначала его порадовали русскими народными песнями и плясками, а потом лауреат Нобелевской премии ответил на многочисленные вопросы.

Волжская заря. 1995. 13 сентября.

ЖЕЛАННЫЙ ГОСТЬ КИНЕЛЬЦЕВ

Приехав в поселок Алексеевка, Александр Исаевич Солженицын первым делом посетил дом-музей семьи Володичкиных, а к мемориалу и на могиле семьи возложил живые цветы. В глубокой скорби стоял великий гражданин, бывший фронтовик Солженицын, отдавая дань памяти родителям и сыновьям, сделавшим все возможное и невозможное для Отечества.

Но писатель, в отличие от иного высокопоставленного лица, приезжает в любое незнакомое для него место с одной мыслью — работать. Поэтому, наверное, не произносил Александр Исаевич высоких речей, а больше спрашивал, слушал, сопоставлял.

Эта невидимая работа его началась сразу же в Алексеевском филиале Кинельской городской библиотеки. Писателя интересовало все: и количество читателей, и комплектация библиотеки книгами, и особенно вопросы краеведения, ведь здесь уже несколько лет работает клуб “Юный краевед”.

Затем в лекционном зале Кинельской городской администрации гостя встречали представители городской и районной власти, общественных организаций. Здесь поднимались вопросы депутатской деятельности, состояния образования и медицины, шел заинтересованный разговор о новом законе о самоуправлении и законодательной базе, о положении работников социальной сферы.

Своими мнениями с писателем поделились заворотделом городской администрации В.А. Кузнецова, ректор Самарской сельхозакадемии Г.С. Бухвалов, член городской Думы Т.Е. Биктеева, председатель правительства Самарской области Ю.М. Логойдо, председатель городского общества инвалидов М.О. Руднев.

Выслушав их мнения, Александр Исаевич согласился с тем, что новый Закон о самоуправлении “до низов не дошел”, “Россия шла к рынку, но так и не дошла” — верх взяли перекупщики, а контроля государства над ценами нет... Страдают же от этого, прежде всего, люди, особенно малоимущие.

По-настоящему горячая встреча ждала гостя в госпредприятии “Комсомолец”. Сельский Дворец Культуры был переполнен. Взрос-

лые и дети, пожилые и молодые пришли соприкоснуться с великим писателем. И было очень кстати, что большому разговору с ним предшествовал небольшой концерт, в котором выступали в основном дети и как всегда блеснула лауреат областного смотра-конкурса детская танцевальная группа “Земляничка”. И это, наверное, под впечатлением искрометного танца юных артистов Александр Исаевич потом сказал:

– Спасибо за концерт. Я прямо-таки наслаждался, видя, какая у нас растет молодежь. Она – неисчерпаема...

И все-таки на первом плане у писателя было дело. Взяв в руки микрофон, он сел за стол на сцене и обратился к залу:

– Смысл наших встреч таков: у меня есть желание, насколько хватит моих сил, собрать со всей России мнения, факты, соображения о насущном моменте, чтобы потом проанализировать их, высказать слушателям. Поверьте, наше слово услышится по всей России. Поэтому берите в руки микрофон – и в путь...

Первой в путь отправилась директор Кинельской государственной селекционной станции доктор наук Н. И. Глуховцева, которая рассказала кратко о бедственном положении науки, ее работников, об исчезновении крестьянства как класса, о надвигающемся развале села.

Директор СПТУ-43 Г. И. Прокофьев говорил о том, что повсеместно идет спад знаний, финансирование народного образования с каждым годом снижается. О пагубной коммерциализации и деградации высшей школы поведал ученый Самарской сельхозакадемии И. Брумлин. Его поддержал в своем выступлении директор сельской средней школы В. А. Камнев, выразив недоумение: кто же составляет телепрограммы, в которых исчезли телепередачи для школьников, умные, разносторонние, учащие культуре, но зато процветают западный образ жизни, секс, насилие, ужасы.

Сетуя на подмену ценностей, многие задавались вопросом: почему упали оценочные критерии человеческого труда, почему производитель в загоне? На этот и другие вопросы писатель ответил: “Почему изменились приоритеты труда? – спрашиваете вы. – Отвечу. Реформа – это обдуманый план взаимосвязанных действий для получения желаемого результата. Мы стали выходить из создавшегося положения самым необдуманным методом. И получилось, как в той пословице: “Кто работает – тот дурак, а кто торгует – тот умница”. Поймите одно: “новые рус-

ские” – это нам навязали грязнохваты. Они везде – в коммерческих структурах, в банках и так далее.

Вы еще говорите об упадке интереса к знаниям. Причина одна – учебники не успевают за жизнью. Поэтому и приходится нам по 30 раз объяснять и в студии, и в газетах, и в журналах. Трудно, но куда деваться...

Насчет земли еще могу сказать. О чем думали те, кто сгонял с земли 15 миллионов кормильцев, прозванных кулаками?

А кто думает сейчас? Кругом черствость процветает, самоуспокоенность. Как сейчас члены Государственной Думы могут два месяца отдыхать, когда в России такой разлад и нет нужных законов? А что с приватизацией сделали? Она же преступная: все разбили по частям и продали за бесценок.

Поверьте, надо иметь немного сердца, чтобы спасти село. Закон о земле должен быть такой, чтобы отдать ее в руки тех, кто работает на ней, а не ратовать за куплю-продажу. Купить можно все, только продавать скоро будет нечего...”

Острая, почти физическая боль за родную Россию сквозила в каждом слове писателя. И хочется верить, что его слова, мысли, дела дойдут не только до зрителей Дворца культуры, но и выше.

Чтобы наконец-то проснулась родниковая совесть России не в одном Солженицыне, а в душах тех, кто на верхней ступеньке нашего общества. А еще лучше – в каждом из нас!

Волжская заря. 1995. 12 октября.

СОЛЖЕНИЦЫН: “Я ВЕРЮ В РУССКУЮ ЛИТЕРАТУРУ”

Вот и закончилось длительное пребывание на Самарской земле великого русского писателя Александра Солженицына. В последний день он встретился со студенческо-преподавательской аудиторией нашего педагогического университета.

По его собственному признанию, эта встреча была наиболее желанной для него. Он беседовал с будущими учителями, с нынешними, а может быть и будущими учеными.

Тематика встречи свелась, конечно же, к литературе, истории и образованию. Солженицына очень волнует сегодняшнее состояние отечественной литературы. Писатель особенно плохо относится к новейшим литературным течениям: “постмодернизму, концептуализму и им подобным.” Они скоро “слиняжут”. Нет у них будущего, — подчеркнул писатель, — будущее за нашей традиционной литературой.” Александр Исаевич выделил из современных авторов Валентина Распутина, восхищаясь его писательским словарем. Вообще же Солженицыну по душе творчество Михаила Булгакова, Сергея Есенина, Бориса Пастернака.

А вот Василию Аксенову досталось “на орехи”. По словам Солженицына, в повести “Звездный билет” Аксенов предстал подающим надежды. От него многого ждали, но затем Аксенов погубил себя изобилием “чернухи”. И еще стремлением быть всегда в моде у читателей. Свой роман “Красное колесо” Солженицын назвал сложным для массового читателя... Главной задачей было показать всю трагедию 1917 года. Подлинную.

На сегодняшний день у Солженицына насчитывается 24 тома полного собрания сочинений. Но и при нашей кажущейся свободе его мало печатают. Только обещают.

Говоря о проблемах образования, Александр Исаевич с горечью констатировал отсутствие учебников. Хороших и умных.

На прощание он, как всегда, раздаривал автографы. А затем теплоход “Николай Некрасов” увез знаменитого писателя в Саратов. Прощайте, Александр Исаевич.

Время течет, как река.

Самарская газета. 1995. 14 сентября.

АЛЕКСАНДР СОЛЖЕНИЦЫН: “ЛИТЕРАТУРА ЕСТЬ ДУШЕВНОЕ ТВОРЧЕСТВО”

(на встрече со студентами и преподавателями
Самарского государственного педагогического университета)

Ваше отношение к писателям, рассматривающим литературу как чистое сочинительство, как возможность самовыражения? Не является ли сегодняшнее противостояние такого рода литераторов литераторам-публицистам продолжением извечной борьбы двух течений: «искусство для искусства» и «искусство для жизни»?

— Нынешний конфликт совсем другого рода. Во-первых, в девятнадцатом веке мы имели как великолепных представителей литературы для литературы, так и великолепных представителей общественного служения литературе. Этого замечательного уравнивания сегодня уже нет. Появилось странное племя молодое, незнакомое, которое своей задачей считает отринуть всю предыдущую литературу. Они убеждены, что только с них она и начинается. Ну, в крайнем случае, с их ближайшего окружения. Я считаю, что человеку, имеющему творческий потенциал, художественное дарование, в голову не придет топтать могилы предшественников. Это может прийти в голову только ничтожеству, которое иначе не может о себе заявить.

Во-вторых, то, что мы сегодня видим — они могут называть себя модернистами, постмодернистами, концептуалистами, черт знает еще какими “-истами”, — основано на одном: на принципе самовыражения. Кто-то из них однажды заявил: столяр делает табуретки, он самовыражается в табуретке, а я самовыражаюсь в литературе.

Самовыражаться имеет смысл прежде всего тому, у кого есть что выразить, у кого есть душа, биография, мысли. Я считаю так: литература есть душевное творчество, связывающее нас с высшим смыслом существования и с его реальными проявлениями в жизни, одним из которых, в частности, является общественная жизнь. Литература же, которая не обращена к высшим смыслам, соответственно, не обращена к общественной жизни, а всего лишь к фокусам и выкрутасам.

Вот, например, Аксенов.

Когда он появился со своим “Звездным билетом”, это был прорыв через казенщину нашей литературы. Прорыв в свежий воздух! Это был обещающий шаг. Увы, Аксенова загубила, я бы сказал, жажда моды: всегда быть в моде и даже впереди моды. А ведь мода-то проходит!

“Остров Крым”, по замыслу судя, мог стать замечательной книгой, но совершенно замечательный замысел он загубил всякой дрянью словесной.

Или вот мат. Никто до последнего времени не догадывался ввести его в литературу, напечатать буквально: вот смотрите, читайте, вот такой я смелый, вот художественное открытие! А у них это пошло, у людей с именами. Это конец литературы, понимае-те, это полный тупик и ничего из него не выйдет!

— *Как вы оцениваете творчество шестидесятников?*

— Мне пришлось по времени случайно совпасть с периодом шестидесятников, с периодом диссидентства, меня относили то к тем, то к другим. Но это было только чисто временное совпадение, я пришел к середине 50-х годов с готовой зрелой оценкой всего, что у нас есть. Оценивал я так: все, что у нас есть, неправильно, мы гибнем, идем по пути падения. Всяческого падения — материального, духовного, политического. А на шестидесятников дохнул XX съезд как обновление, как великое открытие, как солнечный свет. В этом солнечном свете они совершенно искренне выразили свои восторги.

У диссидентов тоже ничего больше не было, кроме как: выполняйте вашу конституцию, выполняйте ваши законы! Но это было исключительно мелкое требование. Я же понимал, что мы обречены. Начиная с 17-го года, мы все время только падали.

— *Когда вы почувствовали в себе не только писателя, но проповедника, идеолога, вот это: «поэт в России больше, чем поэт»?*

— Я никогда не был равнодушен к общественным проблемам. Поэтому, если бы мне и не пришлось играть какой-либо общественной роли, я, конечно бы, все равно свои произведения питал этим.

Я в восемнадцать лет уже четко сформулировал, что должен написать роман о русской революции. Я написал его, оборвав, остановившись по ряду соображений, только в десяти томах.

Понимаю, что это не массовое произведение. Понимаю, что в наше время мало кто эти тома одолеет, но я доволен тем, что выполнил. Двадцать лет я занимался историей начала века, я подобрал перышко к перышку каждое хоть сколько-нибудь значительное событие, построив их в единую систему. И цель я имел: чтоб не оболгали нашу революцию 17-го года. Вот какая она была, чтоб такая она и осталась.

— *По каким критериям вы отбирали слово в свой словарь русского языка?*

— Над словарем я работал сорок лет. В лагерной обстановке ни одной книжки нельзя было достать. Я держал словарь Даля, это разрешалось. Нас перегоняют из барака в барак, а я читаю словарь.

Чем я руководствовался при отборе слов? Чисто эмоциональным и субъективным принципом. Если я чувствую, что вот это слово имеет право на жизнь и легко может войти в жизнь, я его ставлю. Последние годы перед выпуском словаря я задумывался: настолько у нас отшибли чувство языка, настолько мы потеряли свой язык, что русские люди говорят: откуда он берет эти слова, как придумывает?

А я ведь ни одного слова не придумал, они все в духе языка. И у многих наших писателей они есть, но на них почему-то не обращают внимания. Тогда я стал работать параллельно: вот читаю какого-нибудь писателя, и все слова, которые мне кажутся достойными, выписываю. И сноски делаю: взял у такого-то там-то.

Сегодняшняя экспериментальная литература вообще не на русском языке. Там вообще ни одного сочного русского слова не встретишь, никакой связи ни с традицией, ни с почвой. Если бы кто-то взял на себя труд составить словарь постмодернистов, мы бы увидели жалкие островочки одних и тех же затрепанных слов, которые используются в полуинтеллигентном обороте, и немножко жаргона, вот и все.

— *Считаете ли вы реформу русского литературного языка своей главной задачей?*

— Нет, не считаю. Своей главной литературной задачей я считаю отображение эпохи, в которой мне довелось жить, отображение ее средствами, которые продолжают нашу русскую традицию. Ей я поклоняюсь, в жизненности ее я уверен.

В двадцатые-тридцатые годы, годы моей юности, мне казалось, что русскую литературу выжгли. То, что нам предлагали,

не хотелось читать. Соцреализм, говорят, был. Никакого соцреализма никогда не было, это выдумка. И нечего было писать научные работы о соцреализме. Не было такого стиля, а был стиль “как прикажет партия”. А русскую литературу загнали в подполье. И естественно, что потом мы удивлялись, узнавая ее.

В тридцатые годы я имя Пастернака слышал, но книжки его у меня не было. И я абсолютно не знал имен Ахматовой, Цветаевой, Мандельштама. А подумать — какие великие поэты пронесли на себе это время!

К счастью, был Михаил Булгаков, этого я вовремя уследил, но как? Главным образом, по “Дням Турбиных”, которые мне удалось видеть в Москве. Булгаков — величайший прозаик, я преклоняюсь перед ним. Хотя у нас совершенно разные манеры, разные подходы, — я в нем чувствую как бы своего старшего брата. Если бы я был в его возрасте в 20-30-е годы, я бы, наверное, вел себя так же.

— *Возможны ли на уроках истории ссылки на ваш “Архипелаг ГУЛАГ”?*

— Несомненно. Наши архивы сожжены, свидетели уничтожены. Я собирал, собирал, собирал. Двести двадцать семь свидетелей у меня здесь, до сорока человек добавилось еще на Западе, я дорабатывал там. Никто против “ГУЛАГа” не смог ничего возразить никогда! Советская пропагандистская машина меня обмазывала чем только ни попало: что я якобы служил в гестапо, что я был полицаем, что я бежал с фронта, что я антисемит, что я, наоборот, еврей, что я царист, что, наоборот, демократ, что я — что угодно, а об “Архипелаге” нечего сказать.

Вот Бондареву поручили, и он взялся написать статью в “Нью-Йорк таймс”. И что он написал? У Солженицына получается так, что Сталинград защитили штрафные батальоны. Ну вот, нашел что возразить. А у меня написано: после сталинского приказа и создания штрафных батальонов эти батальоны стали цементом сталинградской победы. То есть победила-то, конечно, армия, но для того чтобы укрепить бегущую армию, применили штрафные батальоны и расстрелы. Вот и все возражения его. Да, я ответственно заявляю, что там истинная история. Я опубликовал ее в 74-м году, и никто за 21 год никакого опровержения дать не мог.

– *Как вы смотрите на творчество Пикуля?*

– Явление Пикуля основано на том, что народ изжаждался по истинной русской истории. Он начал собирать материал, но ему не хватило ни исторической глубины, ни художественного вкуса, чтобы создать настоящую русскую историческую литературу высокого уровня. Он удовлетворил массовый спрос, потому что люди хотели чего-то еще, кроме краткого курса истории ВКП(б), и имел большой успех. Но это не серьезная история. Конечно, он был работяга, он искал, материалов у него было много.

– *Как пробиться к тем материалам, которые вам удалось собрать?*

– Мы с женой в конце прошлого года давали три телепередачи о выпускаемых нами сериях. Одну серию выпускают под моей редакцией: «Исследования новейшей русской истории». Я задумывал ее так, чтобы она набрала когда-нибудь томов сто. Пока что по нашим скудным авторским силам нам удалось собрать и выпустить одиннадцать томов. Эти одиннадцать томов, изданные в Париже, мы никак не можем здесь пробить.

Жена моя ведет серию “Всероссийская мемуарная библиотека”. Это – огромный материал, который будет издан. Если удастся, в одном из русских центральных городов мы откроем российскую мемуарную библиотеку. Но мы не успеваем. Уже 15 месяцев мы здесь, но ничего не успеваем. Так много провалов в России, что мы не успеваем. Мы не распечатали еще половины ящиков, которые привезли с собой из Америки. А половину я вообще оставил там – и свою историю, свои мемуары пока я оставил там, просто опасаясь брать этот материал с собой. Постепенно все привезу, все будет доступно. Если достанет физических сил.

Записала Л. Архангельская
Культура (Самара). 1995. №23 (сент.).

**ВОСПОМИНАНИЯ
О ВСТРЕЧАХ
С А.И. СОЛЖЕНИЦЫНЫМ**

П.С. КАБЫТОВ

ВСТРЕЧА В САМАРЕ

Имя Александра Исаевича Солженицына широко известно в России. Ставший знаменитым сразу же после публикации в журнале “Новый мир” повести “Один день Ивана Денисовича”, писатель, правдиво описывающий исторические реалии советской действительности, неминуемо становился неудобным административно-командной системе Н.С. Хрущева, Л.И. Брежнева, Ю.В.Андропова. Этим и объясняются преследования А.И. Солженицына на родине и последовавшая затем высылка его за границу.

Начавшаяся в годы правления М.С.Горбачева перестройка внесла много нового в сознание не только интеллигенции, но и правящей элиты. В свою очередь, покинувший не по своей воле Россию А.И. Солженицын очень внимательно анализировал сложившуюся в Советском Союзе ситуацию. Вспоминаю, с каким интересом была встречена интеллектуальной элитой большая статья А.И.Солженицына “Как нам обустроить Россию”, опубликованная “Комсомольской правдой”, которая по сути дела являлась программой переустройства России. Многие положения этой статьи сохраняют свою актуальность и практическую значимость и по сей день.

Публикация этой статьи вселила надежды на скорый приезд Солженицына в Россию. И вот пришло известие, что писатель возвращается на родину. Как раз к этому времени в Самаре было создано “Самарское земское движение”. Земские деятели А.Н.Завальный, А.Ф.Китаев, Б.Н.Гусев и другие выступили с предложением пригласить Александра Исаевича в Самару.

Затем эта идея была высказана и самарским губернатором К.А. Титовым, который в мае 1995 года пригласил меня и А.Н.Завального в “Белый дом” и рассказал нам, что на Всероссийском совещании по реформе местного самоуправления он встречался с А.И. Солженицыным и пригласил его приехать в Самару. Далее было принято решение провести в Самаре научно-практическую конференцию по истории Российского земства, в работе которой и примет участие один из активнейших проводников воссоздания земских традиций и российского земства.

Был создан оргкомитет конференции, который возглавил Председатель правительства Самарской области Юрий Логойдо. Большая работа по организации конференции была проведена депутатом губернской Думы, председателем комитета по местному самоуправлению Александром Ивановым. Принимал участие в организационных мероприятиях и автор этих строк. На заседаниях оргкомитета договорились, что с докладами об организации земства и опыте земской работы в дореволюционный период выступят губернатор К.А.Титов и профессор П.С. Кабытов. Затем о разработке проекта местного самоуправления и устава Самарской области сделает сообщение А.Н.Иванов, и далее последуют выступления из тех городов и районов, где местное самоуправление создано и накопило опыт практической работы. Предполагалось, что на конференции с докладом выступит и Александр Исаевич Солженицын.

И вот 6 сентября 1995 года А.И.Солженицын приехал в Самару. Поначалу он встречался в “Белом доме” с губернатором К.А. Титовым. В 16 часов состоялась беседа писателя с депутатами Самарской губернской Думы, на который развернулась дискуссия о проблемах местного самоуправления. А.И. Солженицын живо интересовался работой губернской Думы, спрашивал, сколько избрано депутатов, какие созданы комитеты и комиссии, рассказывал о структуре и деятельности законодательных собраний Соединенных Штатов Америки. Встреча проходила в непринужденной обстановке. А.И. Солженицын успевал заносить в записную книжку фрагменты тех или иных выступлений самарских депутатов. Прошло уже более четырех месяцев после первой встречи с Александром Исаевичем, и если говорить о впечатлении от общения с ним, то меня, конечно же, поразила его простота, доступность (“А я о Вас знаю, мне о Вас говорили в Москве”, —

сказал он, знакомясь со мной), глубокая эрудиция, знание (отнюдь не книжное) народной жизни, сопереживание русскому народу, вновь, в который уже раз, по воле правителей попавшего в очередную смутную эпоху. Подкупала и вера в мудрость народа, который сможет преодолеть и эти передрыги.

Неизгладимое впечатление оставила прогулка с А.И. Солженицыным и А.Н. Завальным по старой и вечно молодой Самаре, и тот доверительный разговор, который не прекращался ни на минуту в течение двух часов.

И конечно же, многое дало общение во время научно-практической конференции, беседы в кулуарах. Александр Исаевич однозначно высказался за возрождение земских традиций. По его мнению, именно в земствах с большей полнотой смогут воплотиться принципы народоправства и народовластия. И хотя воссоздание земских традиций займет длительный срок, но начинать эту важнейшую работу надо сейчас...

Самарский земский сборник. Вып. 3. Самара, 1996. С. 3-5.

ПРОГУЛКА С СОЛЖЕНИЦЫНЫМ

6 сентября в течение двух с лишним часов мы вместе с председателем Самарского земского движения профессором П.С. Кабытовым показывали А.И. Солженицыну город. Посетили наиболее примечательные места Самары. Но самое ценное — все это время шел непрекращающийся и непринужденный разговор. Александр Исаевич живо интересовался различными подробностями самарской истории, задавал многочисленные вопросы, делился воспоминаниями. В свою очередь, и нам грех было упускать возможность для общения со столь незаурядной личностью.

Вел себя Солженицын очень скромно, во всем сквозило его желание понять собеседника. Много из того, что говорилось, он записывал в свой блокнот, который доставал из полевой офицерской сумки. Сейчас уже трудно восстановить все подробности двухчасового насыщенного и эмоционального общения. Но нам повезло, т.к. сопровождавший нас журналист В.С. Иванов вел магнитофонную запись ответов на многие вопросы. Стараясь не повторяться, я расскажу здесь о нескольких, “оставшихся за кадром” эпизодах нашего путешествия.

Приятные воспоминания оставила сама атмосфера прогулки с А.И. Солженицыным. К нему постоянно подходили самарцы, здоровались, благодарили за приезд, спрашивали: нравится ли Самара? “Нравится, нравится, спасибо”, — отвечал писатель. Его, похожая на Достоевского, колоритная фигура раза два привлекала подвыпившие компании: “Здравствуйте!” — “Здравствуйте!” — “А мы Вас знаем. Давайте познакомимся. Я — Вова, а это Серега. Серега где ты? Иди сюда. Знаешь кто это? Б-о-о-льшой человек”. Но все обходилось без недоразумений, и обе стороны, пожав друг другу руки, расходились, вполне довольные такой развязкой. Пожалуй, единственные, кто смог огорчить нашего гостя, были самарские водители, которые категорически отказывались пропускать Солженицына, а на пересечении Куйбышевской и Красноармейской даже заставили писателя не очень лестно высказаться по этому поводу...

Старый “Белый дом”, внутри которого, как известно, находится вход в бункер Сталина, произвел впечатление на Солженицына.

— А как Вы сами считаете, — спросил он, — был Сталин в Куйбышеве или нет?

— Наши историки отрицают. Хотя в некоторых западных публикациях такое утверждение проходит. Ясность могли бы внести документы московских архивов, но они все еще засекречены.

— Я почти уверен, и у меня есть свидетельства тому, что Сталин приезжал в годы войны в Куйбышев и жил здесь некоторое время...

Памятник А.С.Пушкину в скверике за драмтеатром приятно удивил Александра Исаевича: “Хорош, хорош! А какой разворот руки! Очень хорошо... И вид отсюда чудесный”.

Спускаемся к могиле П.В Алабина. Говорим о русской культуре и духовности, рассказываем Александру Исаевичу о “Годе Алабина” и других крупномасштабных акциях, направленных на возрождение самарского историко-культурного наследия. Он искренне удивился: “В такие времена и столько всего делается в Самаре”. Личность Алабина серьезно привлекла писателя, его блокнот быстро заполняется уборым текстом.

Зашел разговор о судьбе земского движения, о людях, которые могли бы поддержать его на местах. “Да, много в России было истинных подвижников. Немало и сейчас есть умных, бескорыстных, талантливых людей, но они были чужды коммунистической системе и не смогли вписаться в нынешние времена. Разочарованные, неприкаянные, скитаются по стране. А пользы-то от них много может быть. Привлекайте их к земскому делу, помогите обрести себя. Ой, как много для Отечества могут сделать такие люди”.

Разговорились о зигзагах нашей политики, об августовских и октябрьских событиях в Москве и незаметно подошли к дому Наумова, где поочередно размещались ревком, Комуч, Дворец пионеров. “Нет-нет, подождите, — и писатель вновь достает блокнот, — здание, в котором заседал Комитет членов Учредительного Собрания, заслуживает особого внимания. Конечно, они тоже во многом заблуждались и не смогли четко определить свою политику. Но, по крайней мере, они хоть не воровали. Верили в то, что делают благое дело, были наивны, но не тащили в свой карман.”

— А может, вся беда в национальном характере?

— Что ж. Национальный характер — вещь серьезная. Но он складывается под воздействием различных внешних факторов, определенных экономических условий.

– А разве сам он, в свою очередь, не влияет на формирование этих условий? И просто не хватает лидера типа Столыпина.

– Да, Столыпин нужен. Только где его возьмешь?

Идем по Куйбышевской.

– Все еще Куйбышева?

– Все-таки Самару удалось вернуть. Сейчас та же проблема у ставропольчан. Вы бы поговорили с ними, Александр Исаевич! Исконное “Ставрополь-на-Волге” город потерял, а коминтерновец Тольятти красуется непонятно почему.

– Хорошо, поговорю. Только с Тольятти посложнее будет. Там народу понаехало со всей России. Старожилов мало. Рабочих убедить трудно. А возвращать надо. Это история, от нее не уйдешь.

Домик Клодта. “Ой, какой чудный! Что здесь было? Кто строил? А вот сейчас улицу узнаю. Еще немного пройдем, и там будет памятник Ленину и рядом – здание суда, где он работал. Правильно?”

И записи, записи. О Горьком, Гашеке, эсерах, чехословацких легионерах, памятнике Александру П...

Спустились к Волге. У причала стоит теплоход “Петр Алабин”. Рассказываем, что во время плавания здесь проходят семинары и занятия, проводимые областным управлением культуры. В июне этого года сообща разрабатывали концепцию нового года “Русь могучая”.

– А молодцы, хорошо придумали, и работа, и природа... Волга, благодать-то какая... Вот тут и закончилось в 39-м наше с приятелем путешествие по Волге. Услышали о договоре с Германией. В Куйбышеве, можно сказать, и завершилась для меня мирная полоса нашей жизни... Как красив тот берег, и ведь правильно, что не застроили его. Душа на вашей набережной радуется и отдыхает. Здесь красота, цветы, все ухожено. А там, вдали, лес и горы. Благолепие.”

– Александр Исаевич! Скажите, вот так, не задумываясь. С Самарой у Вас всякое связано было. Что останется в памяти – мрачное или хорошее, светлое?

– Конечно, светлое... Сегодня я увидел все, что хотелось.

Самарский земский сборник. Вып. 3. Самара, 1996. С. 5-9.

АЛЕКСАНДР ИСАЕВИЧ СОЛЖЕНИЦЫН: “СЕГОДНЯ Я СНОВА УВИДЕЛ СВОЮ САМАРУ”

В первый же день по приезде в Самару после официальных встреч с руководителями области и города по просьбе А. Солженицына для него была устроена экскурсия по городу.

Ах, как ошибаются те, кто полагает, будто у Александра Исаевича с Самарой связаны лишь драматические воспоминания 50-го года, когда он был доставлен в наш город в качестве заключенного и находился здесь в пересыльной тюрьме.

Более двух часов продолжалась увлекательная пешеходно-автомобильная прогулка, в которой А. Солженицына сопровождали профессор П. Кабытов и библиограф А. Завальный. Повезло и автору этих строк, получившему возможность присоединиться к экскурсии и даже задать несколько вопросов А. Солженицыну.

Это было действительно удивительное путешествие в историю Самары. Рассказы о событиях, удаленных от нас на много десятилетий и не очень давних, немедленно рождали у Александра Исаевича ассоциации с современной жизнью, с политической ситуацией в России, с перспективами ее дальнейшего развития. Ни один сколько-нибудь заметный штрих истории города не ускользал от его пристального внимания и тут же аккуратно фиксировался в рабочей тетради. Быть может, не для всех точка зрения А. Солженицына является истиной в последней инстанции, однако высказывания выдающегося писателя поражают безупречной логикой, убежденностью и глубочайшим знанием жизни. Александр Исаевич Солженицын размышлял:

— Сейчас в России грязная олигархия. В 91-м все сразу загубили — моментально. Я в тот момент послал факс Борису Николаевичу. Беспольный. Через несколько дней получил благодушный ответ: “Россия — великая страна, не пропадет...” Все отдали сразу, признали границы Украины, Казахстана, испугались слова империализм. 25 миллионов своих братьев бросили!

Веру в Президента многое подкосило. Сейчас тех, кто верит — единицы... Было очевидно, что СССР взорвется национальными страстями. Я это предсказывал еще в 74-м году.

Часто люди, даже мои ровесники, начинают басни рассказывать о том, как всех погубили в 37-м году. Неужели они забыли, как уничтожали людей в 20-е годы? А что делали с крестьянством в 30-м? А как боялись, что вдруг постучат в дверь ночью? Почему же говорят, что только в 37-м погубили светлый коммунистический образ? Тем, кто не мой ровесник, говорю: друзья, вы не можете себе этого представить. На переходе с 20-х на 30-е годы было ощущение, что рушится все в мире, что просто не остается уже больше мирозерцания и жизни человеческой не будет никогда. Возобладали волчьи законы, человеческая природа – кончилась; разум, свет души – кончились, наступило затмение. Это страшно представить. И поверьте, что все это было нисколько не менее страшно, чем сейчас.

Времена ломают людей, страшная апатия губит общество. Характер народа зависит от эпохи, от социальных, природных условий, но всегда есть духовное движущее и у характера, и у человека, и у народа. Но вот осилит или не осилит оно обстоятельства... Кто смог справиться и осилить, а кто и нет. Были народы и цивилизации, которые исчезли...

– *Александр Исаевич, когда вы впервые побывали в нашем городе?*

– В 1939 году. Это было путешествие. В то время я был студентом Московского историко-филологического института. Мы с приятелем сдали немного экзаменов, послушали лекции и отправились в путь. С собой у нас было буквально все: мешки, кастрюли, даже сахарная мука – купить тогда что-либо было невозможно, да и денег у нас не было. Приехали в Казань и там начали торговать лодку-байдарку. Сторговали ее и стали спускаться по Волге. Спускались, спускались, ночевали то по левому берегу, то по правому, пробыли несколько дней в Симбирске, потом уехали в Самару. Самара была с хлебом. Мы покупали по целому килограмму и тут же съедали. Хотели дальше направляться, но было уже поздно: 21 августа, так что до Саратова не доехали. Стали продавать лодку, а она не продается. Это было для нас серьезное дело. В Казани лодку купили за 225 рублей, а здесь, наконец, продали только за 175. Это потому, что чем ниже по течению, тем лодка дешевле. Как нам было жалко эти 50 рублей!

– *Что больше всего запомнилось из тех дней в Самаре?*

– В 1939 году хорошо было на улицах: не было автомобилей или я просто их не замечал. Какое счастье было ходить: чистый воздух, тишина. Я старую Самару помню.

– *Есть ли, на ваш взгляд, какие-либо улучшения в городе сегодня?*

– Знаете, улучшений в городах не бывает. Бывает ухудшение от автомобилей, от грязи, от новых зданий. Мы ехали сюда из Пензы на автомобиле. Ой, сколько уже настроено вокруг Самары! Страшно просто смотреть на эти промышленные районы.

– *Какое у вас впечатление о Волге?*

– Волгу портили, портили, но что-то еще осталось, и я очень рад этому. Ах, как было хорошо до плотин, если б вы знали! Как только солнечную энергию захватим, нужно будет думать о ликвидации плотин.

Автомобиль остановился на Волжском проспекте у нынешней столовой ГРЭС. Именно здесь размещалась некогда пересыльная тюрьма. Это место навсегда врезалось в память Александра Исаевича.

– Я хотел найти этот холм. Он сейчас застроен домами... Такого дерева могло не быть в то время. И здание было не такое. Тут был большой двор, внутри двора стояли гнилые бараки. Они не могли, конечно, сохраниться, их сломали. Помню: на холме – он был тогда голым – стоит женщина. Нас вывели на прогулку. Человек 75-100 гуляет, беспорядочно ходит по двору, а она стоит, приложив руку к глазам и, наверное, пытается оттуда узнать, нет ли здесь своего, родного: мужа или отца. И ветер там, наверху, развеивает ее волосы, платок, одежду. Я описал это в “Архипелаге Гулаг”. Здесь я пробыл больше месяца. Это была вторая половина июля – начало августа 1950 года. Почему-то долго собирался этап в Казахстан. Нас отсюда никуда не выпускали, мы все время находились только во дворе. Потом нас повезли в Павлодар.

Не видеть бы вам того, что мы видели. Недавно в Омске я попросил, чтобы меня привезли в местную тюрьму: хотел найти свою камеру. Ох, страшная эта тюрьма! Но там в те дни была напряженная обстановка: ждали побега группы урок и поэтому в тюрьму не пустили. А мне нужно было походить по тюрьме, чтобы по некоторым признакам найти свою камеру. Страшная камера: подвальная, сырая, крысы, вода...

Не было, кажется, ни одного человека из встретившихся на пути Александра Исаевича во время его экскурсии по городу, кто

не поздоровался бы с ним, не сказал теплого слова, не пожал руку. На площади Куйбышева к А. Солженицыну подошла молодая женщина-педагог и протянула букет.

– Как вас зовут? Татьяна? Так вот, Татьяна-красавица. Поставьте эти цветы у себя в школе и скажите детям: Солженицын подарил их нам, нашей школе, и они стоят в память о нем. И это будет гораздо дольше память обо мне, если я возьму сейчас у вас эти цветы, а девать их мне некуда...

Прогулка по городу закончена. Тепло поблагодарив своих спутников, Александр Исаевич произнес:

– Я снова увидел свою Самару. Это было очень приятно, ведь прошло столько лет! Представьте, 1939-й, юность, мне 21 год... Еще не началась Вторая мировая война...

Подготовил В. Иванов
Самарский земский сборник. Вып. 3. Самара, 1996. С. 10-13.

Один день Александра Исаевича

Мое представление о счастье всегда было достаточно примитивным — лежать на диване и читать книгу.

Книга стала для меня самым большим удовольствием в жизни с тех самых пор, как я научился читать. Помню, отец взял меня с собой в командировку в Тулу. Там ему нужно было уйти по своим журналистским делам на весь день, а мне до позднего вечера сидеть одному в гостиничном номере. “Хорошо, останусь, — сказал я отцу. — Только купи мне книжку”. А было мне восемь лет.

Благодаря отцу я никогда не читал чепухи. Еще в конце 60-х подростком проглатывал полузапретных Булгакова, Платонова, Бабеля, Цветаеву, Пастернака. У нас дома была библиотека, может, не очень большая, зато роскошная — в том смысле, что в ней не водилось случайной литературы. Но одну книгу, даже не книгу, а серый журнал из оберточной бумаги, отец особенно оберегал. Он его прятал. А я находил и читал. Это был “Один день Ивана Денисовича”. “Роман-газета” №1 за 1963 год.

Когда я в первый раз, в конце шестидесятых (мне было двенадцать), читал “Один день Ивана Денисовича”, то знал, что книга запрещена, что по команде сверху все ее библиотечные экземпляры уничтожены. Поэтому казалось, что в руках у меня настоящая листовка. Но это была не листовка — это была жизнь, ранящая душу, горькая песня о человеческой судьбе.

Помните ее заповедь: “В пять часов утра, как всегда, пробило подъем — молотком об рельс у штабного барака”?*

Эта книга сформировала мое восприятие жизни. Именно из нее я узнал о трагедии нашей страны. К тому времени имя Солженицына находилось уже под запретом, информация о нем шла только из официальной прессы, поливающей его помоями и проклятиями.

* Александр Солженицын. “Один день Ивана Денисовича”. Собрание сочинений в 9 т. Т. 1. М.: Терра, 1999. — С. 7.

Прочитав “Ивана Денисовича”, я понял: те, кто запрещает Солженицына — мои враги.

Больше всего меня удивляло: как он не боялся?! Причем не просто не боялся, а всегда отвечал ударом на удар и никогда не искал компромиссов. Например, в 1967 году Александр Исаевич пишет съезду советских писателей: *“...Свою писательскую задачу я выполню при всех обстоятельствах, а из могилы — еще успешнее и неоспоримее, чем живой. Никому не перегородить путей правды, и за движение ее я готов принять и смерть”*.*

Я читал это в “самиздате”. И для меня Солженицын был героем больше, чем, скажем (как ни кощунственно это звучит) Александр Матросов или Зоя Космодемьянская. И потому на уроке истории, услышав из уст учительницы оскорбления в адрес писателя, не сдержавшись, спросил:

— А вы его читали?

Этого вопроса было достаточно, чтобы прослыть в школе антисоветчиком и “другом Солженицына”.

Еще в 69-м Солженицын заявил то, что Горбачев возьмет на вооружение много лет спустя: *“Гласность, честная и полная гласность — вот первое условие здоровья всякого общества, и нашего тоже. И кто не хочет нашей стране гласности — тот равнодушен к отечеству...”***

У меня такое ощущение, что Горбачев тоже читал в “самиздате” Солженицына...

Однажды, будучи ведущим информационной программы, я сообщил в прямом эфире, что общественность требует возвращения советского гражданства Александру Солженицыну. Для “гласности” 1988-го, наверное, это было слишком смело, поскольку скандал случился страшный. Слава богу, председатель ГТРК “Самара” Юрий Васильевич Котов был человеком достаточно либеральным и в высшей степени порядочным. Он-то меня и защитил от обкомовской расправы. А вот ему досталось, его трепали.

* Александр Солженицын. “Письмо IV Всесоюзному съезду Союза советских писателей”. Собрание сочинений в 9 т. Т. 7. М.: “Тerra”, 2001. — С. 12.

** Александр Солженицын. “Открытое письмо Секретариату Союза писателей РСФСР”. Собрание сочинений в 9 т. Т. 7. М.: “Тerra”, 2001. — С. 14.

Мог ли я подумать, что через несколько лет Александр Исаевич Солженицын приедет в Самару и появится у меня в передаче? Это будет 10 сентября 1995 года.

А годом раньше, в 1994-м, Солженицын вернется в Россию, издадут, наконец, его главные книги, и соотечественники узнают Александра Исаевича как писателя и публициста.

Правда, семитомник его сочинений издадут безобразно — на плохой бумаге, в мягкой обложке, в клееном, а не прошитом, переплете, и поэтому при чтении книги будут рассыпаться. Зато тираж в миллион экземпляров вмиг разлетится по стране, и кто-то очень здорово наживется на Солженицыне.

Но я отвлекся. В Самаре Солженицын оказался по приглашению губернатора Титова. Александр Исаевич всюду пропагандировал воссоздание земств как формы российского народного самоуправления. А при встрече в Москве (это было на совещании в Кремле) Титов сообщил Солженицыну, что в Самарской области такие земства создаются, и великий писатель принял решение ехать.

Я очень благодарен Константину Алексеичу Титову за приглашение Солженицына, но замечу, что никаких земств в Самаре не возникло до сих пор, как не появилось и нигде в стране. Да и не могло появиться, поскольку земства в России несовместимы с той западной моделью местного самоуправления, которую мы приняли. Не думаю, что этого не знал Титов. Скорее, приглашая Солженицына, он набирал политические очки как просвещенный губернатор.

И в итоге вместо реального земства Солженицын попал на научно-практическую конференцию, где ученые мужи и девы рассказывали ему о земских традициях старой Самары.

Шесть дней находился писатель в Самарской области — со среды, 6-го, по понедельник 11 сентября 1995 года. В эти дни помимо конференции его ждала встреча с читателями в Студенческом переулке — в забитом до отказа Большом зале бывшего Дома политпросвещения.

Писатель захотел посмотреть область, и его возили в Тольятти и Кинель. В программу пребывания вошла, конечно, и встреча с губернатором (по просьбе губернатора), и двухчасовая пешая прогулка по Самаре (по просьбе Солженицына).

А завершилось все прямым эфиром на телеканале “РИО”.

До этого в Самаре – Куйбышеве Солженицын бывал дважды: сначала в 1939 году, когда студентом арендовал лодку и на ней путешествовал по Волге, а затем в 1950-м, когда сидел в пересыльной тюрьме, которая располагалась практически в центре города, у подножия большого холма. Сегодня на этом холме высится здание областной администрации (наш самарский “Белый дом”) и Монумент трудовой славы.

Напомню один из самых пронзительных эпизодов “Архипелага Гулага”:

“Это было на Куйбышевской пересылке, в 1950 году. Пересылка располагалась в низине (из которой, однако, видны Жигулевские ворота Волги), а сразу над ней, обмыкая ее с востока, шел высокий долгий травяной холм. Он был за зоной и выше зоны, а как к нему подходить извне – нам не было видно снизу. На нем редко кто и появлялся, иногда козы паслись, бегали дети. И вот как-то летним и пасмурным днем на круче появилась городская женщина. Приставив руку козырьком и чуть поводя, она стала рассматривать нашу зону сверху. На разных дворах у нас гуляло в это время три многолюдных камеры – и среди этих густых трех сотен обезличенных муравьев она хотела в пропасти увидеть своего! Надеялась ли она, что подскажет сердце? Ей, наверно, не дали свидания – и она взобралась на эту кручу. Ее со дворов все заметили, и все на нее смотрели. У нас, в котловинке, не было ветра, а там наверху был изрядный. Он откидывал, трепал ее длинное платье, жакет и волосы, выставляя всю ту любовь и тревогу, которые были в ней.

Я думаю, что статуя такой женщины, именно там, на холме над пересылкой, и лицом к Жигулевским воротам, как она и стояла, могла бы хоть немного что-то объяснить нашим внукам¹.

Долго ее почему-то не прогоняли – наверно, лень была охране подниматься. Потом полез туда солдат, стал кричать, руками махать – и согнал.*

¹ Ведь когда-нибудь же и в памятниках отобразится такая потаенная, такая почти уже затерянная история нашего Архипелага!”

* Александр Солженицын. “Архипелаг ГУЛАГ”. Собрание сочинений в 9 т. Т. 4. М.: Терра, 1999. – С. 540.

Всякий раз, когда я читаю это место в “Архипелаге”, слезы наворачиваются. Только не сбылись мечты Солженицына. Вместо щемящего памятника Женщине-декабристке советской эпохи на холме, как известно, появилась другая фигура — с крыльями в руках. Монумент трудовой славы.

Жаль. Хотя, честно говоря, я не представляю себе замысел Солженицына — эту скорбную статую — рядом с бывшим зданием обкома КПСС. А значит, “слава” вместо покаянья...

Но жизнь идет, и власть меняется. Подобно флюгеру с учетом новых веяний. И Солженицына к нам в телекомпанию почтенно сопровождает представитель губернатора Александр Анисин.

Я, наверное, никогда так не волновался: легендарный писатель, с которого, по словам Твардовского, “началось новое летоисчисление в нашей литературе”, — у нас в “РИО”, в маленькой самодельной студии.

Воскресный вечер был удивительно теплым. Солженицын приехал в хорошем настроении, довольный увиденным.

С нескрываемым уважением рассматривал я его.

Немолодой человек, но не старик, хотя уже 77. Потому что ровная спина, горделивая осанка. Знаменитый шрам на лбу не уродует, а только свидетельствует о пережитом. Непослушная борода с проседью, рождающая ассоциации с Толстым и Достоевским. Плотная холщовая рубашка защитного цвета навывпуск, продолжающая эти ассоциации, старая офицерская полевая сумка с блокнотами для записей.

Я встречался в своей жизни со многими известными людьми. И Солженицын был одним из тех, кто меня не разочаровал. Я боялся, что с ним будет трудно общаться, что человек он угрюмый и колючий, во всяком случае, так писали в годы травли советские газеты. Заявляю официально — клевета! Испытания не ожесточили его. Простой, доброжелательный, интеллигентный. Но, конечно, и с чертами пророка — отвагой, страстью, аскетизмом. Про таких говорят: “Он живет, как будто не боится смерти”.

Задача ведущего телепередачи, особенно когда у тебя в гостях такая фигура, — не сбиться на частности, а постараться помочь зрителям понять масштаб личности. Я сознательно не строил передачу на теме земства — при всем моем уважении к народному самоуправлению. Не стал интересоваться и литературными героя-

ми. Мне Солженицын прежде всего был интересен как мыслитель и историк, публицист и общественный деятель.

Передача шла в прямом эфире. Я постарался вовлечь телезрителей в самое непосредственное участие в программе. Они могли задавать свои вопросы по телефонам студии. Вопросов было множество. Ассистент режиссера непрерывно приносила мне записки. Я старался отбирать лучшие. В этой передаче я больше задавал не свои вопросы, а телезрителей. Передача от этого становилась не камерной, а полифоничной, чего я и добивался.

Виталий Добрусин: Добрый вечер, уважаемые телезрители! Сегодня у нас особенная передача – в прямом эфире телеканала “РИО” великий русский писатель, лауреат Нобелевской премии Александр Исаевич Солженицын. В студии работают телефоны, по которым можно задавать вопросы нашему гостю.

Александр Исаевич, простите за неделикатный вопрос, но зачем вам все эти поездки по стране? Читатели ждут от вас книг.

Александр Солженицын: Я был бы рад только сидеть и писать. У меня еще есть литературные планы и творческие возможности. И чтобы осуществить задуманное, можно было бы просто остаться в Вермонте* и продолжать писать. Можно – если бы не столько несчастий в нашей стране. Боль о том, что делается в России, привлекла меня сюда. Поскольку имя мое известно – не только в России, но и в мире, – я надеюсь, что могу своими мнениями, советами, критикой как-то помочь. Ну а раз приехал, то, естественно, должен как можно больше увидеть людей и событий. Конечно, мой возраст не позволяет повидать все области, но я уже изрядное их количество проехал. И при этом я все время пишу, никогда не отдыхаю.

Виталий Добрусин: Насколько я знаю, в Самару вас звали давно – и писатели, и политики. Но откликнулись вы только сейчас.

Александр Солженицын: Меня пригласил губернатор Самарской области. Мы встретились с ним на кремлевском совещании о народном самоуправлении, где я говорил о земстве. И Титов

* Штат в США, где А.И.Солженицын жил после высылки из СССР с 1976 по 1994 годы.

сказал: “А мы хотим начинать земства”. Далеко не во всех областях согласны это делать. Большинство партий ненавидит народное самоуправление, очень многие администраторы боятся его. А есть и такие, которые идут к нему навстречу, понимают, что это — будущее. Конечно, на такое строительство уйдут десятки лет. Титов пригласил меня на самарский земский съезд, вот я и приехал.

Виталий Добрусин: Телезрители интересуются вашим мнением о губернаторе Титове.

Александр Солженицын: Подобные вопросы задают поверхностные американские корреспонденты, которые подсказывают и спрашивают: “Ваше мнение о таком-то? А о таком-то? Все, спасибо, я пошел!” Я считаю верхоглядством разбазаривать мнения и мысли на личные характеристики людей, которые сегодня здоровы, завтра заболели, а послезавтра умрут или сместятся. Не хочу замеситься в этом. Я всегда занят историческим процессом, сутью явлений. В Самаре меня интересует земский процесс — медленный и трудный. И я вижу, что губернатор Титов ему содействует. В меру своих возможностей, вероятно. Ну и, кроме того, у меня с Самарой личные связи. В 39-м году мы с товарищем сюда приплыли на лодке (в Ставрополе-Волжском еще незатопленном побывали). А в 50-м я был здесь на пересылке, о чем писал в “Архипелаге”. Сейчас все эти места нашел, что для меня очень важно.

Виталий Добрусин: Не слишком ли официальным получился ваш визит в Самару?

Александр Солженицын: Для меня официальная сторона второстепенна. Когда меня приглашают на кремлевское совещание о местном самоуправлении, я иду и говорю речь. Когда я выступаю по телевидению (это тоже официальная сторона), я высказываю то, что думаю, не считаясь ни с чем. Сейчас приехал в Самару и говорю то, что думаю. А какая тут официальная сторона? Я хожу по улицам без охраны, здороваюсь со всеми за руку. Меня окружает плотная толпа, и двести человек стоят и ждут, пока я каждому подпишу имя, отчество и фамилию, — с народом мы сплотились так, что дышать нечем! Это официальная сторона или нет?

Виталий Добрусин: Сегодня практически невозможно купить ваши произведения. Пройдешься по книжным магазинам, и

такое ощущение, что вас и не реабилитировали. С чем это связано?

Александр Солженицын: Я всегда был уверен, что вернусь в Россию. И я всегда был уверен, что мои книги вернутся раньше и мне не придется ничего повторять — люди все прочтут. Вышло совершенно иначе. Когда в восьмидесятых начали разрешать одно за другим запретные имена, меня держали до последнего. Мне, правда, предлагали: “Хотите, издадим “Раковый корпус”?”. Я отвечал: “Нет!” Потому что если “Раковый корпус” выпустить, то станут кричать: “У нас Солженицын разрешен! Все!” Нет, с “Архипелага” начните! А когда с него начали, то развалилось прежнее государственное издательство. Повлиять на процесс публикации книг из-за границы было трудно. Сейчас приехал — столько задач, столько дел во все стороны, что некогда заниматься систематической работой с издательством. У меня 24 тома собрания сочинений, которые никак не может напечатать “Воениздат”. Три тома одной публицистики, которую Россия не знает абсолютно. Выступления на общественно-публицистические, философские, нравственные, языковые, религиозные, литературные темы.

Виталий Добрусин (читает записку от телезрителя): Ольга Ермаолаевна, пенсионерка: “Александр Исаевич, не хочу вас обижать, но как же вы можете разбираться в нашей жизни, если последние годы находились за границей?! А потом приехали — и сразу “Как обустроить Россию”!?”

Александр Солженицын: Я прожил в СССР 55 лет. Причем принципиально в провинции и никогда в благополучной Москве. Я прошел и войну, и лагеря, и жизнь в захолустье. За 55 лет я хорошо узнал страну. За границей я непрерывно следил за тем, как живет родина. И эти 20 лет не бездельничал, а занимался русской историей XX века. И скажу так: чтобы понимать события, совсем не обязательно всегда быть в их гуще.

Когда я вернулся на родину, мои фактические знания о том, что происходит в России, были абсолютно точные. И за время движения от Дальнего Востока до Кавказского хребта и по Средней России они не поправились ни в чем. Но множество мелких фактов, а главное — личных встреч — вот чего нельзя было издали найти! Открытием явилось то, что потенциал нашего народа огромен. Что и после всех уничтожений — людей талантливых, ищущих, деятельных множество.

Виталий Добрусин: Наши зрители интересуются, какое у вас сейчас гражданство — российское или американское?

Александр Солженицын: Всегда только российское, никакого другого.

Виталий Добрусин (читает записку): Елена Еремина: “Россия должна быть страной Советов, царя или президента?”

Александр Солженицын: В этом вопросе сжато, смято в одну фразу нечто несоединимое и без всякого учета веков.

Царь? Монархии, настоящей монархической власти, сегодня на земле нет, есть красивые декорации. Монархия — это такой строй представлений и настроений людей, который был в средние века. Строился он вот на чем. Царь или государь был уверен, что не случайно родился в этой семье, что он помазанник Божий! И каждое свое движение соразмерял с тем, что ему говорит внутренний голос, совесть, а не шепчут подчиненные или интриганы. При этом и каждый подданный был уверен, что царь-батюшка — это помазанник Божий. Не то, что сейчас: завтра возьмем и переизберем! Такое психологическое соединение отсутствовало уже в девятнадцатом веке. И пока оно и не мыслится, и не видится, и не стоит о нем сегодня говорить.

Советы? Я настаиваю на том, что нам нужно народное самоуправление — или по-русски — земство. Мне говорят: “Какое земство, когда у нас существовали Советы?!” Народное самоуправление, как оно было еще до Иоанна Грозного, представляло интересы всех социальных слоев. А Советы с самого начала родились так: собрались в Петрограде в момент революции третьесортные революционеры (перво- и второсортные были тогда в ссылке и эмиграции), пришли в Таврический дворец и говорят Родзянке*: “Дайте нам комнату или две”. Дали две. Назвали они себя Исполнительным комитетом Совета рабочих депутатов, хотя и Советов-то никаких нет. Надо собрать! Кликнули по фабрикам: присылайте по одному рабочему! Но тут смотрят — эге! — ходят солдаты, все вооруженные. Тогда надо так: Совет рабочих и солдатских депутатов. Их скопилось тысячи две — только проголосовать, а зади сидели как кукловоды те самые третьесортные рево-

* Родзянко Михаил Владимирович (1859-1924) — политический деятель. В 1911-1917 гг. председатель 3-й и 4-й Государственных Дум. В феврале 1917 — глава Временного комитета Государственной Думы.

люционеры, ничтожные люди. Они давали резолюции, и Советы эти резолюции принимали и держали за горло временное правительство. Вскоре и крестьяне зашевелились, пришлось и их взять. Ну не настоящие крестьянские Советы, но все-таки создались: была распутица по всей России, где соберешь! Казаки заволновались — и их взяли. Все, и хватит! Не надо ни интеллигенции, ни священства, ни купечества, ни образованных людей — никого не надо! Вот что такое Советы. Никогда, даже в 17-м году, они не представляли собой народа. А в 18-м большевики их просто разгромили, и дальше все Советы были большевистской декорацией.

Президент? Ну меня не было здесь, когда принимали Конституцию. Приняли Конституцию президентскую, значит, ее и станем выполнять до следующей редакции.

Виталий Добрусин (читает записку): Семен Владимирович, уроженец Кисловодска: “Хотелось бы знать, как вы относитесь к тому, что сейчас творится на Кавказе? По-вашему, Кавказ — это часть России или все же отдельная страна?”

Александр Солженицын: Этот край мне бесконечно дорог, я сам родом из Кисловодска. Северный Кавказ ощущаю своей родиной. Россия — страна многонациональная и многомерная. Я считаю, что в своем расширении мы делали и абсолютно верные движения — Берингов пролив, Аляска, Калифорния — и никакой войны! Мы творческим путем уже в XVIII столетии освоили Сибирь. Это было мирное, естественное расширение границ. Кавказскую войну мы вели несчастным образом из-за того, что протянули руку помощи христианским народам — армянам и грузинам. И вот ради армян и грузин, которые просили о помощи еще у Бориса Годунова, мы должны были взять Кавказский хребет. И понятия не имели, что и свой христианский народ надо пожалеть. Ошибка заключалась еще и в том, что мы взяли Среднюю Азию, слишком чуждую нам цивилизацию (Казахстан к Средней Азии я не отношу — это степь, которую русские осваивали). Я все время говорю: на Закавказье и Среднюю Азию нам не нужно претендовать, оттуда надо уйти. Потому что у крупнейшего мусульманского мира своя дорога, и в XXI веке он будет решать очень многое. А Кавказский хребет у нас остался вследствие того, что мы вели длительную войну исключительно из-за Закавказья. Если бы не оно, мы бы казачьей линией шутя держа-

ли набеги горцев. Сейчас многие кавказские республики вполне с нами срослись и не хотят от нас отделяться.

Что касается Чечни, то я еще в июне 1992 года предлагал нашему руководству признать ее независимость. Кстати, хотел выяснить, кто оружие оставил в Чечне для войны? Неизвестно! Кто торговал нефтью и делился с Дудаевым? Неизвестно! Кто держал бандитское гнездо, куда бежали все преступники? Неизвестно! Ну раз все неизвестно, так откуда ждать результата?! Мы сами виноваты.

В 91-м году было сотрясение, от которого могло начаться очищение. Но тут взвопили наши радикал-демократы: “Только не охота на ведьм!” Не стали разбираться с ведьмами? Ну так ведьмы пошли на нас. Никто не раскаялся. Германия очистилась раскаянием – и вот, пожалуйста, крепкая страна. У нас никто не раскаялся – ни убийцы, ни преступники, ни следователи, ни тот, кто пытал, ни тот, кто убивал, ни тот, кто доносил, ни тот, кто просто голосовал на парткоме за несправедное решение, за высылку людей, народов. Значит, мы потащим это с собой еще на 30-40 лет. Мы виноваты, что не прошли период раскаяния.

Виталий Добрусин (читает записку): Александр Тимофеевич Сидоров: “Как вы относитесь к уничтожению сербов на Балканах?”

Александр Солженицын: Рассмотрим вопрос в общеисторическом и современном планах. Ошибкой России было, что мы все время лезли на Балканы. То мы освобождали Болгарию, то мы защищали Сербию. Мы даже в первую мировую войну встряли исключительно из-за сербов.

А сегодня ситуация такая: западный мир потерял голову от победы в “холодной войне”. От того, что они оказались единой силой, которая может диктовать все, у них закружилась голова. Россия же сейчас совсем ослаблена. Ну вы же видите, чего стоят наши заявления, протесты. С Россией не считаются, и мы это заслужили, сами год за годом добивались этого.

Тито* и его банда нагородили таких этнических границ, что сам черт не разберет, так же как в России в свое время Ленин,

* Иосип Броз Тито (1892-1980) – президент Югославии с 1953 по 1980 гг.

Сталин, Брежнев и Хрущев. Они наделали границ, которые не имеют никакого отношения к этническому расселению. Но трагедия пошла по-разному. Когда у нас лопнули эти границы, то мы сразу признали: хорошо, ладно! А там получилось иначе: западные державы с корыстной целью поспешили признать объявившиеся Словению, Хорватию, Македонию, Боснию. Они знали, что идут на злодеяние и все время перекорезживали освещение проблемы. Они, видите ли, будут судить военных преступников! Сколько шума! А разве западные летчики, которые бомбят больницы, села, – это не военные преступники?

И мы виноваты, потому что Россия, член Совета безопасности, отдала в руки НАТО все. Они действуют якобы от имени ООН. Ну как же мы это допускаем?! Нужно сделать простой шаг – сказать: мы даем вам 24 часа на созыв Совета безопасности, который должен объяснить, на каком основании действует НАТО. Если вы не соберете это совещание или откажетесь признать преступлением действия Североатлантического союза, мы, как минимум, перестанем платить взносы в ООН. Кормите сами свою ООН, раз она стала филиалом НАТО! (Это сказано в 1995-м, но как перекликается с тем, что произошло в 2003-м в Ираке – В.Д.)

Виталий Добрусин (читает записку): “Почему если у русского человека появляется национальное самосознание, то ему тут же приклеивают ярлык фашиста?”

Александр Солженицын: Есть две причины, по которому русскому самосознанию так трудно пробиться. Первая заключается в том, что мы утратили наше национальное самосознание, даже почти стыдимся, что русские. Могут напомнить выражение Ленина: “Мы антипатриоты”. Например, после развала СССР 25 миллионов наших соотечественников оказались отрезаны в республиках. Я уже провел 40 или 50 многолюдных встреч по всей России, каждый человек говорит о своих болях, и почти никогда никто не задумается, как живут эти наши 25 миллионов. Если шкура не моя, ну и пусть пропадают! У нас нет национального самосознания, мы себя сами низко поставили.

Вторая причина. Недоброе отношение к России влиятельных сил на Западе. Недоброжелательная пресса бессовестно использует термины “русский фашизм”. После распада Советского Союза в республиках Средней Азии, Закавказья, на Украине поднялся

такой шовинизм! Недавно украинские шовинисты устроили факельное шествие по Киеву: “Насилие – единственный язык, которым мы добьемся всего!” Ничего, пожалуйста – потому что западной дипломатии выгодна такая Украина. Но попробуйте вы хоть одного человека с факелом пустить в Москве! Сразу получите “русский фашизм”. Когда он был?! С этим фашизмом все уже закружились. Никто и не помнит, что фашизм – итальянский термин, возник на расовой основе. Фашизм, национал-социализм, основан на превосходстве расы, а у нас на расовом превосходстве построить ничего нельзя. Нет у нас чувства расового превосходства, и клеят нам ярлык бессовестно. Но можно сказать так: в Германии был национал-социализм, то есть фашизм расовый, а у нас в Советском Союзе – интернационал-социализм, то есть фашизм классовый, основанный на превосходстве одного класса.

Виталий Добрусин (читает записку): Евгений, Тольятти: “Ваше выступление – это предвыборная программа президента. Александр Исаевич, не поздно ли вам в президенты?”

Александр Солженицын: Друзья мои, почему мои выступления – это предвыборная программа президента? Я уже заявлял, что не приму никакого поста, никакой должности ни по выбору, ни по назначению – никогда до смерти. Так что я не участвую в предвыборной кампании в чью-либо пользу. Я ни к одной партии не присоединяюсь и никого не поддерживаю. Я занят Россией. И у меня такое чувство: кто болеет за Россию, тот мой друг и союзник. Кто думает о своем кармане и наживе – тот мне противник и враг. Я сам предложил в работе “Как нам обустроить Россию”, что не может быть президентом человек, который не жил в стране 10 лет. И я прекрасно понимал, что и себя отвожу, и других эмигрантов, чтобы не полезли в президенты.

Виталий Добрусин: Кстати, Александр Исаевич, какая партия или какое движение вам ближе?

Александр Солженицын: Все партии у нас надуманные, доморощенные, еле-еле сляпанные. Ни одна из них не имеет настоящих корней в народе. Как образуются? Да очень просто. Встречаются на московской кухне человек пять: слушайте, а давайте-ка партию создадим! Давайте. Как бы ее назвать? Двести названий есть, давай двести первое! Ну а теперь в регионах надо

учредить отделение. А у меня вон там племянник есть, а у меня вот тут дядя...

Я противник партий. Потому что они — одно из обезьянств, которые мы перехватываем с Запада. В нашей, земской, России не было даже понятия партии. Существовали сословия, социальные круги — купечество, ремесленники и так далее. С латинского “партия” переводится как “часть”. И эта часть хочет продвинуться за счет других. У нас партии делаются для выборов, при этом избирательный закон неравноправный и бесчестный. Если ты член партии — то у тебя есть шанс проскочить без настоящей борьбы за место. Тебе не нужно грудью бороться с противником — прячешься за программу партии, а когда за нее проголосуют, вот тебя и избрали. А 25 процентов явки — это же насмешка! Зато партиям выгодно. Вдруг народу меньше придет, и никого не выберут! И кто же тогда будет в думских креслах сидеть? Кто же льготы будет получать? А кто будет языками болтать? 25 процентов явки — разве это народное голосование?! 75 процентов вообще никого не интересуют: думайте, что хотите, да хоть разорвитесь! Есть исследования, что прошлая избирательная кампания имела ряд фальсификаций. А потом с большой скоростью, не дождавшись годовичного срока, сожгли все документы, так, как делал КГБ. Почему же вы сожгли документы? “А они уже не представляют исторической ценности!” И ничего уже проверить нельзя. На выборы придут 18 процентов, а нам скажут — пришли 25. Я ни одну партию не поддерживаю уже за то, что они бесчестно отказываются идти на равное противоборство.

Впрочем, и в партиях есть достойные люди. Пусть кандидат, который пошел лично бороться, скажет: “Я прервал все связи с коммерческими организациями, вот мои доходы, вот мои расходы, вот моя биография, смотрите — вот мои дела, вот мои слова. Я выхожу на бой с противником”. Таких я уважаю. Один самарский депутат у меня спросил: “А что же в Думе сделает один человек?” Кто ж вам мешает? Вы выиграете бой, а потом спросите: “Иван Петрович, вы какого мнения об этом? А об этом? Сходимся? Вместе! По рукам. Василий Васильевич, а вы? По рукам!” Пожалуйста, создавайте фракции, но на бой идите честно.

Виталий Добрусин (читает записку): Дания Давлетшина: “Если коммунисты придут к власти, что вы будете делать — вновь сбежите в Америку?”

Александр Солженицын: Я не понимаю, откуда берется сплетня?! Я “сбежал в Америку”! Меня арестовали восемь человек и потащили в Лефортово. Объявили приказ, что высылают меня насильно. Восемь человек сели со мной в специальный самолет. Когда я пытался выйти в уборную, туда тут же входили, чтобы я, не дай бог, не удушил себя. Даже когда я просто поправлял ворот рубахи, меня хватили за руки, чтобы я не удавился. Вышвырнули меня в Германию. И вот, пожалуйста, — “сбежите в Америку”! Ну как можно разрешать себе такую болтовню! Я не сбежал, сбежала третья волна эмиграции, уже миллиона полтора ринулось туда за хорошей жизнью. Мне за год до высылки сказали: “Если вы не покинете страну добровольно, то кончите жизнь на Колыме”. Но я остался. А через год меня выслали. А многим так же сказали, и они уехали и потом говорили: “Мы были вынуждены это сделать”.

Теперь что касается коммунистов. Если они вновь придут к власти, я буду продолжать вести себя так же, как сейчас, не считаясь с мнением верхов. Я пятнадцать месяцев в стране и говорю то, что неприятно властям. И буду продолжать, пока мне не заткнут глотку. А как себя поведут коммунисты, не знаю. Они говорят, что патриоты, — посмотрим! Они говорят, что теперь чуть ли не христианство признают, — посмотрим!!!

Виталий Добрусин: Кстати, по поводу христианства. Вопрос Евгении Муратовой: “Как вы относитесь к Иисусу Христу и каково ваше отношение к церкви и религии?”

Александр Солженицын: На мой взгляд, дико это — спрашивать об отношении к Иисусу Христу. Как будто это какой-то общественный или политический деятель. Я воспитан в православной русской вере, в ее простонародном варианте, от бабушки с бабушкой. И держался так лет до семнадцати. Под влиянием достижений нашей эпохи стал безверным атеистом. И так я провоевал всю войну, как ни странно. И таким попал в тюрьму, где почувствовал, что возвращаюсь к прежней вере. Об этом в “Архипелаге” написано, там даже есть мое лагерное стихотворение. Вот и все. Это слишком неадекватный вопрос. Ну нельзя на таком уровне спрашивать!

Второй вопрос: Поскольку я православный, христианин, мое отношение к религии такое: религия — это высший духовный дар для человека. И только по несчастным обстоятельствам искаженной эпохи люди иногда лишаются религии, теряют эту высшую связь. Я глубоко сочувствую тем, кто ее потерял. Это не значит, что все атеисты — безнравственные люди. Бывают и атеисты праведниками. И все-таки высший свет там отсутствует. Нам сначала нужно подняться на нравственный уровень, а потом уж на религиозный. Меня некоторые упрекают в том, что я не говорю по телевидению о религии и нравственности. Друзья мои, да я бы рад! Но, право, совестно мне это делать, когда люди думают, как прожить один день, как одеться, накормить детей, как беспредел этот прорвать, как избавиться от жуликов этих, со всех сторон нас окруживших. А я буду говорить: “Да не обращайтесь внимания, не важно! Пусть пропадают ваши дети, вы только любите друг друга и верьте в загробную жизнь!” Я не могу так. Придет время, мы немножко укрепимся, тогда, конечно, нужно будет о религии говорить. По сути, ничего нет более важного, чем религия и нравственность.

Виталий Добрусин (читает записку): Дмитрий, 25 лет: “Почему вся Россия оказалась под бандитской крышей?”

Александр Солженицын: Да, мы задыхаемся в преступности и безнравственности. Мы испорчены большевистским режимом, в котором истинная нравственность подавлялась, а была показная, искусственная. Нас научили отказываться от родственников, лгать, не говорить правду, голосовать за то, во что не верим. Но все это копилось под чугунной крышкой и вырвалось. И наружу вырвалась всякая шпана, так называемые новые русские. Я убедительно прошу не употреблять словосочетание “новые русские”. Говоря так, мы отдаем им наше будущее. Эти грязнохваты так разворывают наше национальное достояние, что и на Западе изумляются: таких денежных швырял даже там нет. Потому что существуют какие-то правила. А эти все — наворовали и с ошалевшими глазами едут на Канарские острова. И от этой шпаны, криминала и беспредела, который пропитал наш государственный аппарат, становится страшно жить. И никакой закон не помогает. Видели ли вы хоть одного крупного негодяя, которого публично судили?

Виталий Добрусин: На эту же тему, но с другой стороны. Светлана, 15 лет, интересуется, как вы относитесь к людям, которые, заработав хорошие деньги, уезжают за границу. Можно ли осуждать их за то, что они бросают родину, но при этом обеспечивают жизнь своим детям?

Александр Солженицын: А как они заработали деньги? Уверяю вас, не производством. Если бы они заработали их производством, то они никогда бы от своего производства не уехали. Крестьянин не уедет от своего земельного участка, промышленник не уедет от своего заводика. Уезжает шпана, которая ничего не дала России, а только обокрала ее и теперь увозит добычу. Так что же: разбойник, который убивает на большой дороге, прав, потому что он обеспечивает будущее своих детей?! Ах, какое благородство! Это отбросы человечества, негодяи, и я презираю их! Другое дело – ученые, которых посадили на мель в расцвете сил. Я не берусь их упрекать, могу только сожалеть, что наука заброшена, что людям не на что содержать свои семьи. А на Западе хорошие мозги покупают. Сам я сделал наоборот: я там жил в полном достатке, ни от кого не зависел и мог и дальше горя не знать. Но я приехал сюда, потому что нужно сделать что-то для страны.

Виталий Добрусин (читает записку): Альберт Леонидович, председатель областной ассоциации вкладчиков: “Как, по-вашему, можно помочь миллионам обманутых вкладчиков?”

Александр Солженицын: Я знаю эту боль, и считаю это потрясающим злодейством и жульничеством государства, грязным пятном на реформе (если вообще какая-либо реформа у нас была!). Нельзя было так обманывать свой народ. Государство здесь первый обманщик. А как помочь? К сожалению, у меня нет экономических знаний для ответа.

Виталий Добрусин (читает записку): Александр, рабочий: “Есть ли в Кремле кто-нибудь, кому вы доверяете на сто процентов?”

Александр Солженицын: Я уже ответил, что не занимаюсь персональными характеристиками. Я постоянно критикую власть, критикую то, что у нас происходит, говорю, что мы ведем разрушительную политику по отношению к себе, к своей жизни, к своей нравственности. Делайте вывод.

Виталий Добрусин (читает записку): Татьяна Стратилатова: “Каким вы видите будущее России через пять лет и далее?”

Александр Солженицын: Я верю в живые силы нашего народа, которые, как ни странно, до сих пор не уничтожены, хотя для этого все было сделано. Верю, что мы выберемся из нынешнего кошмара. Но путь будет долгим и мучительным — о пяти годах и говорить нечего. Только оттого, что мы пропустили период раскаяния, наш путь уже продлевается на 30–40 лет. Если мы падали 75 лет, то подниматься будем еще дольше.

Виталий Добрусин: Александр Исаевич, вы прошли суровый путь. Откуда вы черпали жизненные силы? Что помогало вам преодолевать невзгоды?

Александр Солженицын: Я верил в то, что служу России и нравственности. Это и давало мне постоянный заряд и было пружиной, которая меня двигала. За все свои 77 лет не помню случая, чтобы я себя принуждал к тому, что делаю. Я не нуждаюсь в отдыхе, я просто всегда работаю. Думаю, что в этом и сила.

Виталий Добрусин: Наша передача завершается. Александр Исаевич, от имени наших зрителей я благодарю вас за участие в “Прямой линии” на телеканале РИО.

Александр Солженицын: А я, в свою очередь, передаю большой привет самарцам. И от души желаю всем верить в себя*.

Передача закончилась, и Солженицыну надо было ехать. Мы вышли из студии во двор. А на дороге выгнулась металлическая труба, проложенная по-нашему, по-русски, прямо на асфальте. Телевизионщики давно привыкли к этой трубе, а Солженицын не заметил ее, споткнулся, и я едва успел подхватить Александра Исаевича за локоть. Локоть через рубашку был горячий, и вообще от писателя шло тепло.

Я подумал: вот я его сейчас поддержал, а сколько раз он меня поддерживал — своими книгами, своей страстью, своей верой, своей жизнью. Сколько раз он не дал мне упасть. Помог выработать свою позицию, свою точку зрения, помог стать свободным человеком.

* “Прямая линия с Александром Солженицыным”. Телеканал “РИО”, г. Самара, 10 сентября 1995 года.

А журнал с “Одним днем Ивана Денисовича” для меня по-прежнему самая дорогая реликвия. Хотя и вышли с тех пор роскошные издания этой повести.

Более того, теперь эта книга стала для меня бесценна. Потому что в тот теплый сентябрьский вечер на ней появилась строгая надпись черными чернилами: “Виталию Аркадьевичу Добрусину — Александр Солженицын. 10.9.95”.

Добрусин В.А. Украденные звезды. Самара, 2004. С. 371-400.

ВСТРЕЧА С СОЛЖЕНИЦЫНЫМ: КУДА ИДЕМ, РОССИЯ?

Из самых замечательных встреч 1990-х годов я, пожалуй, назову знакомство с Александром Исаевичем Солженицыным. Он приехал в Самару по приглашению губернатора К.А. Титова в сентябре 1995, когда мы проводили конференцию по истории российского земства.

Помню, мне позвонили из местного Белого дома: на конференцию едет Солженицын, обязав меня явиться в губернскую Думу к полудню. Александр Исаевич дружески так протянул руку, посмотрел в глаза:

— А я вас знаю, я о вас слышал в Москве.

И вот в течение 2-х часов мы вместе с Александром Никифоровичем Завальным показывали всемирно уважаемому писателю Самару. Здесь были разные эпизоды, позволившие увидеть его просто как человека. Для А.И. характерна внутренняя свобода: он не изображает из себя великого, остается обыкновенным буквально со всеми — с депутатами, губернатором, с прохожими на улице.

Вспоминаю: пришли на площадь Куйбышева, и я рассказывал Солженицыну, что здесь стоял самый замечательный собор Средней Волги, инициатор его строительства — выдающийся деятель Самарской губернии Петр Владимирович Алабин и что в начале 1930-х собор взорвали. Потом мы обратили внимание на памятник В.В. Куйбышеву, и Солженицын очень удивился: сколь низок пьедестал! Я рассказал ему, вспомнив И.Е. Медведева, про “табуретку”... Сошлись на том, что это вообще самая неудачная скульптурная работа Манизера. Тут к нам неожиданно подбегают несколько женщин лет 40-45 и, удивленные, задают на разные лады один вопрос:

— Александр Исаевич, это вы? Вы? Вы?!..

— Да, это я.

— Нет, правда?! Вы Солженицын? Писатель?

И так с повторами. Потом они всё же заставили себя убедиться, кто перед ними, и задали сакраментальный вопрос... Нет, не “как нам обустроить Россию”, другой:

— Александр Исаевич, а правда, что в Самаре самые красивые женщины?

Он так на них тепло посмотрел, глаза у него слегка сощурились, помолчал немножко, испытывая истинное наслаждение от того, какой ответ сейчас даст, и честно сказал:

— Да, вы знаете, в Ростове все-таки красивей.

Солженицын ведь сам оттуда.

Мы подошли к Театральной площади, показали ему памятник В.И. Чапаеву (творение Манизера наиболее удачное), затем драмтеатр, выстроенный по проекту архитектора Чичагова, бывший дворец губернатора (в нем до конца 80-х находились обкомы КПСС, ВЛКСМ и облисполком), затем подвели его к двери, которая вела в бункер Сталина. Неожиданно он, как твердую истину, произнес, что Сталин в октябре 1941 уехал из Москвы. Мы переглянулись, но возражать не стали.

Потом показали Иверский монастырь, могилу Алабина, место, где когда-то находилась пересыльная тюрьма. Оказалось, Солженицын дважды побывал в Самаре. Первый раз, когда вместе с другом-студентом плыл по Волге... А второй раз судьба его забросила в наш город поневоле.

На том месте, где когда-то находилась пересыльная тюрьма, притулилась столовая ГРЭС, маленькое такое одноэтажное здание (которое, по всей видимости, скоро снесут). И Солженицын рассказывал, как их выводили на прогулку, во внутренний дворик, и на том косогоре, где сейчас игла Монумента Славы, Белый дом и церковь, — а тогда только ветхие домишки, и все довольно неухоженное, — во время одной из прогулок А.И. увидел, как на косогоре, на самом высоком месте, стоит женщина, ветер треплет и обвеивает вокруг ее ног длинную юбку, словно флаг, а она терпеливо всматривается в далекие лица заключенных, кто виден ей из-за закрытого дворика... Эта драматическая сцена вошла в “Архипелаг ГУЛАГ”.

И вот мы вместе с Солженицыным входим в этот внутренний дворик, там много рабочих, шоферов, они к нему подошли, он стал разговаривать с ними, общаться...

Я ему задал вопрос, — точнее, два вопроса, может быть, не совсем уместных, но мне было очень важно его об этом спросить.

— Вот Вы были на заседании Государственной думы, выступали там, мы видели это по телевидению. Вы ощущали неприятие

депутатов, чувствовали, что вас не воспринимают? Какое было Ваше психологическое состояние до и после выступления?

Он ответил так:

— Да, я, конечно, ощутил это, когда вошел в зал и когда увидел этих депутатов. Я увидел, что я выступаю перед коммунистами.

То есть, по его словам, все они уже раньше сдали партбилеты, но своим обликом, глазами, взглядами, жестами, позами по-прежнему оставались коммунист коммунистами (только теперь свободными от “строгачей” с занесением от потери краснокоричневых билетов), а потому идей оратора не приняли, а кто и не понял, но молча послушали, из вежливости похлопали.

Задаю второй вопрос:

— Вот Вы, Александр Исаич, конечно, могли бы долго и счастливо жить в Америке, в лесном Вермонте, где замечательный воздух и чистая вода, где у вас великолепный дом...

Он рассказал, как складывается его рабочий день. Творческая лаборатория писателя — очень интересный сюжет, тем более, когда он сам рассказывает об этом. С утра или расшифровывает свои записи (надо отметить, во время нашей самарской встречи он постоянно что-то заносил в блокнот или записную книжку), или пишет тексты, при этом одну работу ведет на одном столе, другую на втором, затем на третьем, четвертом, и так до седьмого. В течение дня, переходя от одного стола к другому, меняет виды творческой работы. Охват широк, писатель успешно реализует все свои идеи. Я, конечно, восхитился белой завистью, потому что все свои работы создал, можно сказать, на коленках, да и долго не было у меня настоящего письменного стола.

Так вот, спрашиваю:

— Вы могли быть счастливы там, почему же вы приехали в Россию?

Это, конечно, с моей стороны провокационно. Он спокойно в ответ:

— Вы же знаете мою историю, как меня выслали? — и смотрит на меня пристально. — Меня арестовали восемь человек, потащили в Лефортово. Восьмеро сели в самолет, выбросили в Германию. Я не сбежал в Америку, сбежала третья волна эмиграции за хорошей жизнью.

Я загадочно Солженицыну:

— Даже знаю человека, который летел вместе с Вами в Германию.

Это был муж племянницы Ефрема Игнатьевича Медведева, и тот рассказывал нам когда-то в гостинице “Академической” историю о том, как его родич оказался живым свидетелем высылки Солженицына.

— Многие диссиденты, — повторил А.И., — уехали за границу за лучшей жизнью, а меня ведь выслали.

В этом разница. Александр Исаевич приехал сюда, в Россию, точнее вернулся, для того, чтобы быть вместе с Родиной в смутную эпоху и хоть чем-то помочь ей и народу. Помог? — ответ неоднозначен и преждевремен.

Ну и третий вопрос, который я задал невзначай, шутя: а не мог ли бы он претендовать на роль аятоллы Хомейни? Он глянул на меня с укором:

— Ну какой я Хомейни? А потом, ведь у нас многоплеменный народ. — Помолчав, добавил: — Много раз мне писали об этом. Я не приму никакого поста, никогда... Кто болеет за Россию — тот мой друг, кто против — тот мой враг.

Кто как не А.И. Солженицын понимает, что история построенная на мифах? И мы, чуть не каждый, сами создаем такие же мифы, далекие от исторической действительности.

— Часто люди, — пояснял в Самаре А.И., — даже мои ровесники, начинают басни складывать о том, как всех погубили в 37-м году. Неужели они забыли, как уничтожали в 20-е годы? А что делали с крестьянством в 30-м? А как год за годом боялись услышать стук в дверь ночью? Почему же говорят, что только в 37-м погубили светлый коммунистический образ? Тем, кто не мой ровесник, передаю: друзья, вы не можете себе этого представить! На переходе с 20-х на 30-е годы было ощущение, что рушится все в мире, что просто не остается уже больше мирозерцания и жизни человеческой не будет никогда. Возобладали волчьи законы, человеческая природа кончилась, разум, свет души потухли. Наступило затмение. Это страшно представить. И поверьте, что все это было несколько не менее страшно, чем вам сейчас, в середине 90-х.

Времена ломают людей, страшная апатия губит общество. Характер народа зависит от эпохи, от социальных, природных условий. Но всегда есть духовный движитель и у характера, и у чело-

века, и у народа. Но вот осилит или не осилит он обстоятельства? Кто смог справиться и осилить, а кто и нет. Были народы и даже цивилизации, которые исчезли...

Эти мысли великого писателя созвучны и моим оценкам истории советского общества.

Свои идеи писатель озвучил и в интервью немецкому журналу “Spiegel” 23 июля 2007 г.* Рассуждая о судьбе и истории России, А.И. Солженицын отметил: “Если бы мы все смогли посмотреть на собственное прошлое трезво, то у нас в стране отпала бы ностальгия по советскому строю, которую проявляет менее пострадавшая часть общества, а у стран Восточной Европы и бывших советских республик — желание видеть источник всех зол в историческом пути России. Не надо никогда личные злодеяния отдельных вождей или политических режимов ставить в вину российскому народу и его государству или приписывать их “больной психологии” русского народа, как это нередко делается на Западе. Эти режимы смогли держаться в России, только опираясь на кровавый террор”**.

И все-таки Солженицын надеется на живые силы народа.

— Я верю, — говорил он в и Самаре в 1995-м, — что мы выберемся из этого кошмара. Пяти лет мало. Надо 25-30 лет...

Вечером того же дня я оказался приглашен на прием в честь А.И. Солженицына, который был дан в резиденции самарского губернатора Титова. Константин Алексеевич, как умеет, сердечно приветствовал выдающегося русского писателя. Поддерживали настрой вице-губернатор Ю. Логойдо, председатель губернской думы Л. Ковальский, депутаты А. Иванов, Г. Лиманский. Александр Исаевич весьма спокойно, сдержанно принимал все здравницы в свою честь, а сам вновь возвращался к мысли о необходимости утверждения земства.

В какой-то миг сцена мне напомнила то ли Гоголя, то ли Салтыкова-Щедрина: хозяева жизни, спрятав удивление, внимают искреннему, но далекому от их реалий мечтателю, будто власть нужно отдать в руки мелких подчиненных...

* Известия. 2007. 24 июля. Выдержки интервью перепечатала “Комсомольская правда” (2007. 31 июля).

** Там же.

Тема земства стала центральной и на пленарном заседании научно-практической конференции, на которой Солженицын выступил с докладом о преимуществах земской системы местного самоуправления, которая, по сути, и есть настоящая форма народовластия. Никто не спорил. Все молча осознавали: до народовластия еще ой как далеко...

Мне в Солженицыне близко то, что он был, есть и остается патриотом, считает, что именно жизненная сила народа способна вывести Россию из кризиса. Очень тронуло меня его высказывание об ответственности власти перед обществом: “Горбачевское правление поражает своей политической наивностью, неопытностью и безответственностью перед страной. Это была не власть, а бездумная капитуляция ее”*. О преемнике по “трону” так: “Ельцинская власть характеризовалась безответственностью перед народной жизнью не меньшей, только в других направлениях. В безоглядной поспешности “скорей, скорей установить частную собственность вместо государственной” Ельцин разнуздал в России массовое многомиллиардное ограбление национальных достояний. Стремясь получить поддержку региональных лидеров, он прямыми призывами и действиями подкреплял, подталкивал сепаратизм, развал российского государства”**.

Эти жесткие выводы А.И. Солженицына созвучны и наблюдениям автора. Все мы помним те страшные годы, когда без войны произошел обвал не только политической системы, но и всей экономики, финансов. И, как прежде, верховная власть использовала вовсю социальную демагогию. В результате — тотальное материальное и духовное обнищание народа.

Власть чаще всего считает так: если она провозгласила какое-то благо, то этим откупилась от народа. Но заботы — на мизер, больше показуха да трескотня. Мне видится, власть обязана способствовать созданию благоприятных условий для развития общества, на деле выполнять отеческую роль по отношению к народу, помогать ему строить достойную жизнь, извлекать из его недр выдающихся личностей, заниматься попечительством. А само общество?..

* Там же.

** Там же.

Хотя — мыслю в противовес — не избыток ли патернализма? Как эту надоедливую опеку (она часто оборачивается красным словцом и быстро ожесточается) соотнести с тем же местным самоуправлением? Задавит ведь государство-батя своих детей, если по струнке ходить не станут. А зачем по струнке, ведь не в казарме живем, в XXI веке, да и разные мы все...

Неужто опять возвращаемся вспять, откуда, верили, вырвались?

Может быть, я ошибаюсь в своих оценках, а может, и нет. Но готовых ответов не вижу.

Верю в одно: у нас в России может получиться что-нибудь путное, стоящее, крепкое, только когда мы сможем возродить семейные ценности, семейные традиции, восстановить историю своей семьи. Обретя опору в этом, найдем и собственный статус в процессах глобализации. И это, возможно, и будет новым лицом и душой России.

Кабытов П.С. Судьба. Эпоха: автобиография историка. Самара, 2008. с. 293-300.

**ПЕРЕПИСКА
С А.И. СОЛЖЕНИЦЫНЫМ**

“ВАШ СОЛЖЕНИЦЫН...”

Личное знакомство самарского политика и историка местного самоуправления, доктора исторических наук, депутата Самарской губернской Думы М.Н.Матвеева с Александром Исаевичем Солженицыным состоялось, как и у многих самарцев, летом 1995 года, во время приезда писателя в Самару (заочно они познакомились годом раньше). На самарской научно-практической конференции по земству, куда, по просьбе Солженицына был приглашен Михаил Матвеев, он, тогда – молодой аспирант кафедры Отечественной истории Самарского государственного университета, готовящий к защите кандидатскую диссертацию по земству, выступил с докладом. После конференции писатель и молодой ученый почти два часа разговаривали с глазу на глаз... Потом была переписка – длиной почти 13 лет, организованные Солженицыным публикации журнального варианта земской диссертации Михаила Матвеева в “Новом мире” и статей в центральных газетах, обсуждение научных и политических проблем, посвященная Солженицыну одна из монографий молодого уже доктора наук по современному местному самоуправлению и внимательная оценка великим писателем и общественным деятелем политической программы самарского депутата по развитию народного самоуправления...

С согласия М.Н. Матвеева составители сборника публикуют (сохраняя орфографию и пунктуацию А.И. Солженицына) некоторые из писем писателя в Самару (с сокращениями), а также статью Михаила Матвеева, посвященную памяти Александра Исаевича.

17.3.95.

Уважаемый Михаил Николаевич!

<...>

Я с интересом узнал о Вашем серьезном знакомстве с земской проблемой и работе над нею. Простите, что не ответил Вам раньше: вместо этого я пытался устроить, чтобы Российское Земское Движение вызвало бы Вас на Всероссийское совещание о местном самоуправлении – 17 февраля. Это – не удалось, там слишком громоздкая аппаратная волокита, на каждый вызов должно быть согласие кремлевской охраны и т.д., да и все-то совещание не много стоило: его свернули за 4 часа – хотя собирали людей со всех концов России. Я тоже там выступил – энергично предупреждая против всего аппаратного сопротивления и бюрократических форм, в которых будут стараться утопить Земское движение. Это будет процесс на 10-15 лет – и то еще если вообще его не задушат.

У меня есть приглашение от самарской администрации приехать в этом году в Самару. Не знаю, удастся ли, но тогда бы познакомились с Вами.

Вы верно называете историю земства 1917-18 трагической, вот тогда удалось задушить все, как будут стараться и теперь. Замечательно, что Вы использовали самарский архив.

Я не могу отдаться земству полностью, как Вы предлагаете. Но среди важных общественных вопросов /отрезанные наши соотечественники, закон о земле, школа .../ – не упущу его своей возможной поддержкой. Вы правы, что еще в том опасность, что в случае удачи земства – в него хлынет наследная номенклатура и другая подобная публика – и опошлит, и погубит. В общем, шансы на успех земства, конечно, не велики – но надо пытаться.

Есть и еще один тяжелый урок прошлого: политизация земства через “третий элемент” и особенно в эпоху Земгора в 1914-16 – верхушка земства разрушительно включилась на подрыв России. В этой связи: не ищите почерпнуть от “духа Февральской революции”- этот дух был болезненен и разрушителен.

Заграничных исследований по земству за период 20-70-х гг. не знаю. Но опыт местного самоуправления в Швейцарии, США — очень много мог бы дать для переема.

Всего Вам доброго.

А. Солженицын.

5.2.96

Дорогой Михаил Николаевич!

Виноват перед Вами, что все не мог отозваться на присланное Вами за последнее время.

Окончательно исправленная диссертация поспела вовремя, чтобы не расшивать /они уж, жалея, думали переводить отмеченные места на перепечатку./. Заведующий публицистическим отделом Юрий Михайлович Кублановский /известный поэт, может быть Вам попадались его книжки/ сам занимается компоновкой текста /причем мы согласились, что значительная часть сносок должна быть оставлена/. Вы можете и сами с ним при нужде снестись в адрес “Нового мира”. <...>

Очень был рад узнать, что диссертация Ваша — защищена. По Вашим пессимистическим прогнозам можно было опасаться, что и завалят. Рад за Вас! Хотя Земство — закисает в России: слишком мало делателей и слишком сильно противодействие.

П.С.Кабытову передайте от меня поклон.

От души всего Вам доброго!

Солженицын.

18.11.01

Уважаемый Михаил Николаевич!

Очень ярко Вы написали о бедствиях современного псевдо-”самоуправления”. Скорблю вместе с Вами, а выхода эффективного не вижу. Говорил я Президенту, он как будто охотно под-

держал — а толку не видно. Да у него тысяча дел, а чиновники не заинтересованы ни в каком оздоровлении. Вступить в общественную борьбу я, по старости, уже не берусь. У населения само слово “земство” вызывает — испуг...

Если хотите, могу Ваше письмо /с изъятием всех личных мест/ напечатать в московской газете. Например “Скорби местного самоуправления”, Письмо из Самары. Подписать — как Вы хотите, хоть инициалами, М.Н. Но без Вашего одобрения не решаюсь.

Какое дело у нас ни тронь — все застряло в невылазности.

А если хотите — напишите письмо по-новому, в том же объеме, чтобы не сокращали. Ваш пример с лестницей — прекрасен.

Всего Вам доброго.

А.Солженицын.

18.01.02

Дорогой Михаил Николаевич!

Пример с Вашей неудачен на выборах — очень показателен, многое выявляет, и неудивительно, что у Вас созрели такие кардинальные сомнения. Ваша программа — ясная, трезвая и особенно значимы разделы I, IV и VIII (*народное образование и медицинское обслуживание, местное самоуправление, национальный вопрос — прим. М.М.*) И то, что избиратели предпочли конфеты и водку — ярко показывает состояние нашего народа. И что XIV и XV (*семья, духовность и нравственность — прим.М.М.*) — у них не вызвали тревожной заботы.

Но именно это огорчает, а не % явки: он — скорее все обьясняет и подает надежду. Отвращение 75% к выборам — как раз дает надежду: народ окончательно разуверился в спектаклях, которые закатывает власть.

Но и, конечно, да — это — форма упадка духа. Слишком много ломок закатил нашему народу XX век и последнее десятилетие. “Инициатива и стремление к лучшей жизни”, как Вы пишете, — сломлены очень сильно, но еще не окончательно. Да, миллионы и миллионы отделились потоку власти, как она поведет. И надежда,

что самоуправление в нашей стране еще возможно когда-нибудь — очень зашаталась. Но не вовсе обронена.

И в этом смысле — задуманная Вами диссертация — правильное жизненное решение. На нашем конкретном историческом материале путь возрождения самоуправления должен быть прослежен, со всеми его неудачами. /Термин “земство” приходится отодвинуть — из-за идиотской идиосинкразии в народной же массе./

“С чего начать?” — затрудняюсь Вам сказать. Разумеется, с источников которые могут неожиданно на подсобу Вам открываться. Ясно, что надо отдельно четко разобрать периоды — советский к послесоветский. У них своя специфика, а результат — тот же.

Вашу статью я рекомендовал в “Труд”, они приняли с минимальными поправками / “а до сих пор ли задерживают зарплату?”/. Надеюсь, что еще в этот конверт смогу вложить Вам ксерокопию.

Не уроните дух!

Жму руку.

Ваш Солженицын.

P.S. Наплывная иммиграция — отдельная острая проблема, по которой хорошо бы не складывать рук.

15.10.04

Дорогой Михаил Николаевич!

Меня восхищает та многолетняя последовательность, неутомимость, смелость и самоотверженность, с которыми Вы — через дикую клевету, угрозы и даже покушения боретесь за пробуждение народного самосознания, за принципы народного самоуправления и его начатки в обстановке людской неосмысленности и враждебности. Идея народного самоуправления встречает ярость у политического класса и партий — а народная масса послушно участвует в шарманке мнимой “парламентской демократии”. По России знаю только нескольких одиночек — таких как Вы. Но другого пути для оздоровления общественного строя у России нет.

Вы спрашиваете, что я думаю о последних реформах. Губернаторы и должны быть назначаемы, как и всегда было в России, как по началу было и в 90-х годах, пока Ельцину не взбренило устроить шальную выборную круговерть. - А парламентская демократия, с прямыми выборами от самого низу и в самый верх, для такой огромной страны, как Россия, и вообще-то измышленная нереальная схема — и тем более фальшивая в обстановке нынешнего денежного и административного разврата. Почти невероятно подлинному представителю своих избирателей независимо подняться вверх и там отстаивать именно интересы своих избирателей. Но даже и эту систему отначала огрязнили отдачею половины голосов самозванным партиям, которые и верховодят в Думе, — а теперь отдаются им и все голоса (хотя качественно это уже и не изменит обстановки в Думе). Еще усугубляется — введением партократии, правом этих самозванных партийцев занимать и министерские должности.

Наряду с неизбежной правительственной вертикалью сверху вниз, исполняющей законы, — живое управление страной может осуществляться (включая этический контроль на всех ступенях) только земской вертикалью снизу вверх, избираемой *поступенчато*, с личным знанием людей в смежных звеньях. Для терпеливого построения этой системы — и в обстановке взаимного понимания и благожелательности — надо, конечно, немало лет. (Но и от моих, нетерпеливо отброшенных (*отброшенных? - неразборчиво* — Прим. М.М.) предложений 1990 в “Обустройстве”, — тоже уже потеряно зря 15 лет.)

Президент Путин выражал и публично (и мне в разговоре) свое сочувствие росту местного самоуправления. Но громадная (и ложная) государственная инерция не дает пробиться живым росткам. А тут — и многослойная напряженность обстановки, не только внутри страны. И надежда на здоровый рост земства спасительного — пока очень слаба.

Но пока силы есть — надо пытаться растить земство в какой-либо форме, какая привьется (Вот, к примеру, Александр Александрович Седельников <...>, — с 1991 года бьется в Красноярском крае за местное самоуправление, неумоимо, - и вот ходом обстоятельств перетекла его деятельность к использованию родительских коллективов при школах как строительным звеньям самоуправления, от него и главные усилия их обратились к спасению школы.)

Вы естественно спрашиваете, отчего я не выступаю публично. Да за годы я выступал немало (хотя и безуспешно). Но возраст и здоровье положили тому предел. Никакое единственное выступление не весит, тогда втягиваешься в цепь их. (Интернет?- для меня чужеродная сфера, не моего поколения.) Вот, пока правая рука еще пишет — могу писать письма. А откажет и она — совсем прекращаюсь. <...>

Но Вам — не только сочувствую, а от души желаю что-то успеть наладить, сперва в Самаре. Мои самые добрые пожелания всей Вашей достойной семье <...>.

Жму руку. Ваш *Солженицын*.

6.1.05
Сочельник

Дорогой Михаил Николаевич!

<...>

Да, увы у нынешней власти нет ясного плана внутренней политики, а “монетизация льгот” — слепая, содрогательная ошибка. И тем не менее, при острейшем кризисе и внутреннем и внешнем — сохранение стабильности даже этой власти, в таком ее состоянии, — еще последняя скрепа от того, чтобы начался административный развал, распад России. Мечта Бжезинского. Атаки на власть сильнее, даже звереют, в мире опять проклинают само русское имя; внешние поражения следуют одно за другим (Украина — поражение необратимо историческое, хотя оно свершилось уже в 1991 году). Строить спасительное, оздоровительное самоуправление и власть и общество упустили (не желали!), строить еще 15 лет назад. А местное с/у — это школа, в которой только и может быть возвращен государственный разум народа. И “мэры” городов — какое уж там самоуправление, они и стали частью вертикали власти, их выборность — во многих случаях фиктивная — уже во всяком случае уже (еще?) нигде это не “самоуправление”. (Местное с/у нельзя “превратить” в государственное, потому что с/у у нас и не создано отначально.) Да, в чьих руках общественное мнение во всех его видах — грозная (и грязная)

картина. Да, русская “национально ориентированная элита” хоть и бьется себя осознать — а никак не в силах. (Какой замечательный образ о сульфидной прослойке в кварце! — но ни этой элите, ни православной среде никак не удастся “слить сульфиды” в целое. Не хочу подрывать Вашей надежды, м.б. внезапной Божьей милостью это и произойдет, не исключаю, но выражаюсь мрачно, как вижу на коротком отрезке моих месяцев. (А рассказ о “бй пуле”, - именно шестой, а не первых пяти- поражает! Вот- наши соотечественники окостенелые сегодня!)

<...>

Определенным сигналом, где граница, пусть будет личное не участие во лжи <...>. А победить Ложь <...> не видно сейчас такой возможности. <...> Храните семью, детей — это тоже все будущая Россия. <...> Безмерно радуюсь углублению наших православных переживаний — вот эта светлость внутреннего духа — она всего важней! Храни Бог Вас и Вашу семью! <...>

Обнимаю Вас. С Рождеством Христовым!

Солженицын.

Да, состояние народа ужасно: и в смысле физическом, и в смысле духовной покинутости и опустошенности. А “политический класс”- мерзок, ничтожен, от первых дней “Перестройки” и посегодня, он не способен ни к очищению души, ни к разумному развитию. На том мне и приходится проститься с Россией. Я уже один раз прощался с ней, в декабре 1953, когда умирал. (С чем посылаю Вам на память мою лагерно-ссылную книжицу, вот недавно изданную). Там найдете в лагерных стихах.

НЕ ПО ЛЖИ

Если бы весь тот эфир — в лучшее время, во всех федеральных и местных телеканалах, на радио и на первых полосах газет, что посвятили на прошедшей неделе смерти Солженицына, отдали ему живому — за день до того, за месяц, за год, за десять лет до того, пользы от этого было бы больше, и в том и было бы истинное уважение и признание того значения, что он играл для России.

Но эфира ему не давали, а в редких записях интервью выхватывали не самые острые, а порой и просто проходящие вопросы, желательно не касающиеся сегодняшнего дня.

Он все равно прорывался к своему читателю брошюрами, изданными в провинциальных типографиях (смотрю на тиражи — 3 тысячи, 5 тысяч экземпляров...), немногими фразами в несчастных вычищенных сюжетах в новостях по случаю какой-нибудь премии, а то и вовсе в цитатах и пересказе недоброжелателей.

У него была своя правда, и принять ее целиком мог не всякий. Власти (что советским вождям, что американским президентам, живя в Америке, а уж о Ельцине и тому подобное и говорить нечего) он был не удобен, как неудобен был когда-то Толстой с его “не могу молчать” (слово всемирно известной знаменитости всегда звучит громко, а сделать с ним все равно ничего нельзя). Оппозиции — по своему: коммунисты не могли принять его вместе с “Архипелагом ГУЛАГ”, либералы — с “200 лет вместе”. Писательская богема — всякие там войновичи-шендеровичи, кто по тем же причинам, а чаще из ревности, спинным мозгом чувствуя, что он останется- они нет.

Он был старомодный человек: печатал свои работы и письма (пока не отказала рука) на старой печатной машинке с выпадающими буквами, но неизменно с “ё”, а не “е”, где требуется, всегда исправляя ошибки, даже незаметные. Не хотел заводить сайт, считая Интернет для себя — “чужеродной сферой”, “не его поколения”. (Лет пять назад, когда изоляция Солженицына на фоне происходящих в стране перемен стала особенно заметна, он объяснял мне это тем, но не только этим: на “отдельные вмешатель-

ства в текущие события” уже не хватало сил, а программные вещи — многократно сказаны, сказаны — и безуспешно. Горечь от этого так и сквозила).

Непрочитанный Солженицын — а 90% его работ не прочли и те, кто читал бы (даже “Красное колесо” толком еще не дошло до читателя) — это вне зависимости от формы, не беллетристика, удел литературных критиков, а всегда- обращения к сегодняшнему выбору России, а то и завтрашнему. Актуален ли Солженицын? Опасен ли он? Обращается ли к нам сегодняшним?

В день смерти Солженицына позвонили мне из одного солидного издания с предложением написать о нем. Подумав, и осознавав то, с чего я начал, я предложил взамен статей *о Солженицыне*, дать слово *самому Солженицыну* — напечатав вместо рассуждений и соболезнований его знаменитое обращение к советской интеллигенции, всего-то три странички текста — “Жить не по лжи” (1974 год), по случайному ли совпадению найденному мной в тот день на даче в пожелтевшем журнале “Смена” за 1989 год.

Произошло вот что: прочтя почти тридцатипятилетней давности первоисточник, в сегодняшнем, 2008 году, издание, отдающее “под смерть Солженицына” лучшую полосу, как и некогда в СССР отказалось при этом печатать *его самого*, назвав текст “политизированным”, “излишне вызывающим”, а, затем, вдруг попросту признавшись, что опасается, что выпады писателя против “той власти” (“нам заклипили рты, нас не слушают, не спрашивают”, “естественно было бы их переизбрать! — но перевыборов не бывает в нашей стране”, “на Западе люди знают забастовки, демонстрации протеста”) и идеи (“не подклеивать мертвых косточек и чешуек Идеологии, не сшивать гнилого тряпья — и мы поражены будем, как быстро и беспомощно ложь опадет, и чему надлежит быть голым — то явится миру голым”) могут вызывать у читателя ненужные мысли и аллегории про власть и день сегодняшние. А редакции этого по ряду причин не хотелось бы. Уж лучше про тяжелую утрату и так далее.

Понятно ли, что лучшего доказательства, нужен ли, актуален ли, что значит его слово, и придумать нельзя.

“Когда то мы не смели и шепотом шелестеть. Теперь вот пишем и читаем Самиздат, а уж друг другу-то, сойдясь в курилках, от души нажалуемся: чего только *они* не накуролесят, куда только не тянут нас! Уже до доньшка доходит, уже всеобщая духовная

гибель насунулась на нас всех, и физическая вот-вот, а мы по-прежнему все улыбаемся трусливо и лепечем: “А чем же мы помешаем? У нас нет сил”. Мы так безнадежно расчеловечились, что за сегодняшнюю скромную кормушку отдадим все принципы, душу свою, все усилия наших предков, все возможности для потомков — только бы не расстроить своего утлого существования. Мы то при чем? Мы ничего не можем. А мы можем — все!”

Когда Солженицын писал в 1974 году эти слова, положение его было в стране таково, что не позавидуешь. Сейчас, когда я пишу эти строки, первые лица государства оказывают писателю у гроба высшие почести, но печатать без купюр Солженицына на официальном уровне все также немислимо. Суть выбора между тем, “остаешься ли ты сознательным слугою лжи, или пришла уже тебе пора отряхнуться честным человеком, достойным уважения и детей своих и современников” не изменилась, да и не меняется она, как и природа правды и лжи во все времена, меняются только формы.

“Личное не участие во лжи” - вот главный принцип Солженицына: “Путь ложь все покрыла, пусть ложь всем владеет, но в самом малом упрямся: пусть владеет *не через меня!*”. Девять простых принципов (“впредь не напишет, не подпишет, не печатает никаким способом ни единой фразы, искривляющей, по его мнению, правду”, “не приведет ни устно, ни письменно ни одной “руководящей” цитаты из угождения, для страховки, для успеха своей работы”, “не поднимет голосующей руки за предложение, которому не сочувствует искренне; не проголосует ни явно, ни тайно за лицо, которое считает недостойным или сомнительным” и так далее), сформулированные Солженицыным в 1974 году, едва ли перестанут когда требовать “шагов гражданского мужества, что для иных страшнее атомной смерти”.

Но теперь мы знаем, что есть люди, доказавшие, что жить по другому тоже можно. А чему надлежит быть голым — то все равно рано или поздно явится миру голым. И ложь перестает существовать.

6 августа 2009 г., Самара.

“МЫ ПРЕДЛАГАЕМ ДВА НАПРАВЛЕНИЯ РАБОТЫ...”

Письмо П.С. Кабытова, А.Н. Завального и А.Ф. Китаева
А.И. Солженицыну

Уважаемый Александр Исаевич!

Обеспокоенное практически полным прекращением развития демократического процесса в России (если, конечно, не принимать во внимание чисто рекламные заявления многих политиков), Самарское земское движение полагает необходимым высказать свое мнение и представить ряд предложений, которые могли бы стать полезными для обсуждения и выработки определенных решений. Мы направляем их в первую очередь, Вам, учитывая Вашу непреклонную позицию в отстаивании свободного будущего россиян и принципов местного, в первую очередь, земского самоуправления.

То, что столичными аналитиками называется провинциальной политической пассивностью, лишь отчасти (хотя надо отдать нам должное, и это есть) вызывается традиционной патриархальной апатией российской глубинки. В таких заявлениях есть значительная доля столичного пренебрежения, либо скрываются определенные политические цели. Тем более что последние выборы показали, что под “пассивностью” кроется недоверие демократическому руководству. Нам представляется, что основные причины такого положения следующие:

1. Огромное количество власти сосредоточено в столице. Как при царе Горохе, так при Генеральном секретаре и теперь, при Президенте. Демократический язык центральных властей недостаточно соответствует реальности. Формы удержания в повиновении меняются. На современном этапе они сочетают традиционные рычаги чисто властного принуждения с финансовыми (Москва сосредоточила, наверное, 80-90 процентов всех российских денег). В условиях бесконечной отдаленности от центральной власти население России не видит большой необходимости активно участвовать в игре во власть — “нельзя объять необъятное”. Такое

положение психологически существенно отличается от настроений в столице (может быть, плюс Питер), так как там значительно мощнее процент управленцев и политиков, они часто свои, известные, кто-то с кем-то учился, работал и т.д. Видимость важности своего непосредственного влияния на власть в центре сильнее, чем на местах. Уповать же на политическую активность россиян, когда они видят в этом мало смысла, безнадежно.

2. Большинство центральных политиков не желают реальной демократизации власти и сильного местного самоуправления, так как это лишает власти их самих, поэтому их заявления о поддержке МСУ (местного самоуправления) чаще всего определенный ход в игре.

3. Печальным следствием огромной концентрации власти, денег, интеллекта, образования, культуры, религии в одном центре является тот факт, что многие из “народных избранников” — как из достоправных Советов всех мастей, так и нынешних из Госдумы и Федерального собрания — озабочены во многом тем, чтобы бросить якорь в столице, закрепиться в ней. Представляют ли они при этом своих земляков, или загораются к ним нежными чувствами только к очередным выборам? Положение это не новое, раньше точно так же (за некоторым исключением) рвалась в Москву провинциальная публика, особенно из числа научной и культурной интеллигенции, обедняя и разоряя тем самым губернии и лишая провинцию шансов культурного роста. По тем же причинам сейчас в столице сосредоточены большинство видных политиков из всех окраин России...

4. Руководство всех влиятельных партий представлено москвичами, которые работают, в лучшем случае, в сфере чистой политики, мало вникая в процессы, происходящие в провинции. Отдаленность руководства, с одной стороны, и значительное влияние партий в процессах выборов в государственные органы власти, с другой, только увеличивают апатию на местах.

5. Столичные руководители часто неспособны “опуститься мыслию” до нужд окраин, они привыкли принимать решения чересчур глобально.

6. В центре сосредотачиваются все политики, в том числе экстремисты, разжигающие страсти и излишне политизирующие тамошнее общество. Глубинка, и так более спокойная, остается без “бродильных веществ”, отъехавших в столицу, и выглядит

не столько апатичной, сколько нейтральной, настроенной не очень углубляться в малоразличимые оттенки российского политического спектра от ДПР до ЛДПР. В принципе, это является хорошей основой для укоренения на отечественной провинциальной почве идей политического компромисса и центризма.

7. Сосредоточение колоссальных властных и финансовых возможностей в руках ограниченной столичной касты государственных чиновников способствует усилению вожделий мафии проникнуть туда и де-факто создать уголовное управление РФ. Преступные иерархии часто структурно копируют государственные.

8. Центральные средства массовой информации, в первую очередь телевидение, нельзя считать российскими, как бы они при этом не назывались. *Они не отражают мнения и цели России. Они отражают цели Москвы относительно России и направлены на усиление власти в центре.*

Мы полагаем, что сейчас Россия закончила очередной этап реформ и не сможет продвинуться далее без новой идеологии. Важнейшим на следующем этапе является организация массового общенародного движения в поддержку местного самоуправления. Пока народ в широком смысле не окажется у власти, никакие другие демократические реформы и крупные социальные проекты попросту невозможны, стену бюрократии без этого не пробить. Мы неизбежно или откатимся назад, к тоталитарной иерархии, или всей страной попадем в уголовный беспредел, либо найдем нищенский неустойчивый “компромисс” с псевдодемократическим руководством, постоянным экономическим, финансовым и политическим кризисом, общенародным неуважением и недоверием к властям, нарастающей зависимостью от других государств и полной безысходностью в будущем. Вырваться из порочного круга и сохранить демократическое устройство федерации можно, на наш взгляд, только разгосударствлением власти.

Пора прочно связать политику с социальной деятельностью, общественно-полезной работой путем изменения самого смысла этого слова, перенесения основной части политической активности с уровня государства до уровня области, города, села, района... Местное самоуправление, действительно, обозначает нижний уровень политики и верхний уровень старой доброй общественной работы.

Мы предлагаем два направления работы: организационное и просветительно-образовательное.

По первому направлению. Необходимо создать общероссийское общественно-политическое движение в поддержку реформы местного самоуправления. Центр его ни в коем случае не должен находиться в столице. Представительство регионов должно зависеть от численности населения и личного авторитета лидеров. Основные цели движения: высветить реальные интересы регионов, объединить их с общенациональными, позволить региональным политикам узнать друг друга и получить известность за границами своих областей и городов, максимально рекламировать теорию и практику МСУ, обеспечить воспитательно-образовательный уровень населения, позволяющий ему в полной мере осознать ответственность за свою малую и большую родину, облегчить вовлечение народа во власть. Участники движения, облеченные властью, на практике способствуют развитию механизмов МСУ, в частности, в земской ее форме.

В организации могут состоять участники любых партий и блоков, разделяющие программу. Движение имеет право выставлять своих кандидатов в российские и местные органы власти. При этом очень желательно, чтобы лидер (лидеры) не баллотировались, обеспечивая тем самым высокий нравственный уровень, внутренний авторитет и внешнюю репутацию всему движению. Нужен российский персональный или коллективный Махатма Ганди.

Думаем, что это движение поддержат ответственные региональные политики из числа наиболее перспективно мыслящих. Имеющаяся на данный момент странная ассоциация местного самоуправления с мэром г. Дзержинска Московской области во главе (по всей России не смогли найти достойного человека!) не имеет репутации и, видимо, создана с целями, прямо противоположными своему названию. Наше движение ни в коем случае не ставит своей целью какую-либо конфронтацию с Москвой, столица не менее других нуждается в нормальном МСУ! Другое дело – обеспечить разумный цивилизованный баланс властей и финансов.

Создание именно *общероссийского* движения позволит избежать популистского узколобого регионализма, который реально существует и выражается примерно в следующих громогласных

заявлениях: “Наша область (республика, город) производит все, если мы организуем “самостийное княжество”, то будем как сыр в масле кататься...” Необходимо оптимальное сочетание процессов демократизации власти с цивилизованной объединительной тенденцией. (Отметим в скобках, что центробежные идеи вполне естественны сейчас именно в силу непомерных амбиций Москвы). Мы не забываем также, что излишняя центробежность, самозамкнутость (которую, кстати, в наших условиях очень трудно выполнить “до конца”, не под силу перекрыть границы и установить “железный занавес” — достаточно вспомнить независимое СНГ или Чечню) приводит к неприемлемому росту властолюбия местных элит, а далее — куда кривая вывезет: может быть, в уголовщину (как опять-таки в той же Чечне) или в ярый национализм. И здесь общенациональность движения сыграет положительную роль.

По второму направлению. Мы полагаем, что гаранты от реставрации тоталитаризма не являются Конституция и демократические законы: они ежедневно нарушаются, в том числе людьми, которые по должности сами являются их гарантами. Силловые структуры тоже не тянут — в России они издревле обслуживают власть имущих, вызывая неприязнь и страх со времен княжеских дружин и опричнины. Единственным реальным гарантом является демократически воспитанное население, которое всеми силами будет стремиться противодействовать любому насилию над собой, от кого бы оно ни исходило — государства, КГБ или мафии. Демократическое воспитание — важнейшая задача. Но до сих пор старшее общество продолжает жить рудиментами тоталитарной психологии. Учителя не осознали важности воспитания детей в свободе и ответственности за себя и свои поступки, поэтому молодежь получает школьное образование по старинке — в той же среде тоталитарного мышления. Заниматься, таким образом, нужно и взрослыми и, конечно, детьми.

Мы предлагаем разработать и осуществить национальную программу в области воспитания, образования и рекламы (паблик рилейшнз) с целью содействия формированию массовой демократической психологии, развития регионального и общегосударственного патриотизма, создания качественного имиджа теории и практики местного самоуправления и повышения общественной активности населения. Это огромная работа, которая тесно связа-

на с задачами предлагаемого движения в поддержку местного самоуправления. Начать нужно с малого.

Необходимо ввести в школьные программы обязательный учебный курс, обосновывающий основные положения личной свободы и ответственности, демократического баланса сил в государстве, обратных связей в обществе, принципиальной важности инакомыслия, информационной свободы, баланса регионального и государственного патриотизма, общественной и политической активности, определить понятия репутации, доброго имени.

Начало такой работы имеется. В Самаре по заказу областного управления образования разработан учебный курс для старших школьников “Основы жизненного самоопределения”. Он довольно эклектичен и включает элементы психологии, политологии, экологии. Есть там и разделы о демократическом воспитании. Сейчас этот курс проходит ограниченную пробную обкатку в Самарском полиэтническом лицее “Гармония Мира”. При соответствующей доработке он мог бы стать основой предлагаемой программы. Дополнением к курсу станет углубленное изучение отдельных аспектов главной темы, ролевые игры и другие механизмы воспитания раскованности, независимости и ответственности. Необходимо постепенно наладить серьезную переподготовку преподавателей.

В области публик рилейшнз. Нужна цельная массированная и продолжительная программа в средствах массовой информации, посвященная важнейшим аспектам демократического “ликбеза” и, в первую очередь, местному самоуправлению. Разработчиками и участниками кампаний должны стать, в первую очередь, местные авторы, газеты, радио- и телепрограммы. Материалы по заказам могут готовиться и в центре, и в регионах и переиздаваться на основе многостороннего договора со всеми участниками.

Газеты и журналы могут публиковать серьезные статьи, исследования, посвященные теории и практике МСУ, политическим, правовым, финансовым его аспектам, обобщению зарубежного опыта, истории российского земства. Отдельными изданиями могут выходить сборники и монографии. Некоторые материалы имеются в распоряжении Самарского земского движения.

Можно реализовать идею общенационального телевизионного университета местного самоуправления. Круглые столы, полемички, беседы с демократическими политиками всех регионов, деяте-

лями образования и культуры, исторические хроники и зарубежные репортажи готовятся в разных телестудиях по единой программе и распространяются по региональным каналам — участникам “университета”. Такая “самарская вечерня” могла бы много сделать в широком демократическом образовании общества. Кроме того, эта программа могла бы стать основой действительно российского телевидения!

Наша страна накопила огромный и печальный опыт жизни в условиях тоталитарной системы. Как величайшее предупреждение о возможном мировом Апокалипсисе этот опыт необходимо сделать достоянием всего человечества. Информацию необходимо обобщить и научно осмыслить. Мы предлагаем организовать “Фонд научного изучения большевизма”, целью которого был бы поиск средств, подготовка и издание архивных материалов, научных исследований, воспоминаний по данной теме. Это дело стало бы достойным продолжением Вашего “Архипелага”.

Мы полагаем, что предлагаемые действия могли бы осуществить серьезную подвижку общественного сознания в пользу идей демократии и местного самоуправления. Просим Вас, уважаемый Александр Исаевич, сообщить Ваше мнение по представленным программам.

Искренне Ваши — представители
Самарского земского движения:
Петр Серафимович Кабытов
Александр Никифорович Завальный
Алексей Федорович Китаев

22 февраля 1996 г.

Самарский земский сборник. Самара, 1997. №1. С. 6 -10.

“Я ОТ ДУШИ ЖЕЛАЮ ВАМ УСПЕХА...”

Письмо А.И. Солженицына П.С. Кабытову,
А.Н. Завальному и А.Ф. Китаеву

*Уважаемые
Петр Серафимович, Александр Никифорович,
Алексей Федорович!*

Благодарю Вас за Ваше важное письмо от 22 февраля. Простите, что отвечаю только сейчас: весь поток моих писем сперва поступает на прочтение и обработку к моему сотруднику, он передает мне отобранное только раза два в месяц (обилие!).

Основные мысли Ваши, высказанные в начале письма (стр.1-3) — полностью разделяю и постоянно мучаюсь ими. Задача создания **реального** местного самоуправления, земства — и действительно насущная, первоочередная, без чего наша страна не начнет развиваться нормально, и, одновременно, при сегодняшних политических условиях, — задача безмерной сложности. И препятствие — не в пассивности населения (оно пассивно — к действиям центральной власти, а не к местной деятельности) — но в упорном сопротивлении правящих слоев и вождей политических партий и законодателей, которые не хотят и боятся народного самоуправления — т.е. боятся истинной демократии. Но активные элементы российской провинции почти не могут сами пробить бюрократическую стену, для этого нужно сначала ясное **законодательство** — а его-то и не вырвать в Центре. Вы видите, какой негодный проект Дума еле родила после двух лет оттяжек. Год нас трясли истерией к бесплодным выборам в Думу, теперь полгода — к выборам Президента, а все это — **отвлечение** от главной народной задачи, от построения реальной демократии. Невозможно так жить стране, чтобы вся судьба ее и каждого человека в ней зависела бы, как сейчас, если не от одного человека, так от узкого олигархического круга.

Да, одно из спасений — активное взаимодействие регионов, общественных движений в них, друг с другом, не через посредство центральных учреждений (ну, полная аналогия, как спасалась Россия в начале XVII века). И каждая связь одной области

с другой, третьей соседней — уже шаг, уже ценна. Но, как Вы пишете: “начать массовое общенародное движение в поддержку местного самоуправления” — утопично, не осуществимо сейчас. Как только появится разрешающее законодательство — надо начинать не “движение в поддержку”, а само **построение** местного самоуправления. Не уверен, что много поможет широкое образовательное движение — что такое местное самоуправление и как с ним обращаться. Начнется работа — люди сами поймут и начнутся.

Соответственно — тем не менее, берусь участвовать во многих мероприятиях, перечисляемых Вами в разделе Втором. Там — много ценного. Но — сколько же для этого надо труда, человеческих усилий и, увы, денежных средств.

Что касается в частности **школы** — я посильно занимаюсь, но вопросами преподавания русского языка, истории и литературы — все это запущено до опаснейшего уровня! Насколько реально еще бороться за введение курса “Основы жизненного самоопределения” (да как-то и сформулировано у Вас без религии?) — не знаю, моих сил не вижу. К сожалению их у меня не хватает на многое, со всех сторон завал предложений, приглашений и проектов — а годы у меня уже последние.

Я от души желаю Вам успеха в любой доле удавшегося из перечисленных проектов. Тепло вспоминаю Самару и Земское совещание в ней в сентябре.

Любую содержательную часть этого письма Вы можете использовать общественным образом как угодно.

Всего Вам доброго. Жму руки.
А.Солженицын

10 апреля 1996 г.

Самарский земский сборник.
Самара, 1997. №1. С. 11-12.

АВГУСТ 2008 ГОДА

УМЕР СОЛЖЕНИЦЫН. МЫ ЕГО ПОМНИМ

В ночь на 4 августа в Москве на 90-м году жизни скончался писатель Александр Солженицын.

Александр Исаевич умер дома в 23 часа 45 минут, причиной смерти, по словам сына писателя Степана, стала острая сердечная недостаточность, передают Вести.ги. До этого писатель долго болел, но продолжал заниматься активной творческой деятельностью. Вместе с женой Натальей Дмитриевной — президентом его фонда — он работал над подготовкой и изданием своего самого полного 30-томного собрания сочинений.

ПАМЯТЬ

Петр Кабытов, первый проректор СамГУ, заведующий кафедрой российской истории, доктор исторических наук, профессор:

— Смерть Александра Исаевича Солженицына — это огромная, невозполнимая утрата. Из жизни ушел выдающийся писатель, незаурядная личность и при этом очень простой, доступный и теплый человек.

Мне доводилось встречаться со многими столичными знаменитостями — литераторами, учеными, общественными деятелями. Как правило, ощущение некоей отстраненности, такой, знаете ли, ледок. Иное дело — Александр Исаевич.

Часа два он гулял по Самаре в тот свой приезд. Александр Завальный и я, мы сопровождали его в этой прогулке и, помню, на площади Куйбышева, когда рассказывали о храме, который был уничтожен и на месте которого возвели вот это нелепое здание Дома культуры, к нам подошли несколько женщин, и одна из них раза, наверное, три переспросила — это вы Александр Исаевич? А потом задала вопрос, который задают, наверное, всем, кто

к нам приезжает. Скажите, правда в Самаре самые красивые женщины. Он сказал: правда. И выдержав выразительную такую паузу, добавил: но в Ростове все-таки лучше.

И таких вот по-человечески теплых встреч во время той прогулки было много. Помню его очень оживленный и доверительный разговор с шоферами на том самом месте, где когда-то находилась пересыльная тюрьма, “его тюрьма”. Эти шоферы ему были интересны не меньше губернаторов и президентов, и он был интересен им в той же мере.

Он приехал к нам на научно-практическую конференцию, посвященную земству, а до этого выступал в Государственной Думе. Выступления транслировали по телевидению, и я видел, как депутаты общались с Александром Исаевичем. Они вели себя с ним точно так же, как вели себя те, кто преследовал его и выдавливал из России. Для них он не был авторитетом. Но для нас он был и остается моральным авторитетом. Человеком, который жил безупречно и успел так много сказать нам и о нас, и о России. Сказать главное — что нужно делать, чтоб подняться наконец с колен...

Говорят, нет пророков в своем отечестве. Есть. Были и есть. Александр Исаевич Солженицын. Или наш замечательный математик Шафаревич. Это отнюдь не люди власти. И это не люди, ориентированные на Запад. Это патриоты, те, кто понимает, что России уже довольно выполнять мессианскую роль и спасти человечество, что ей пора уже сделать так, чтобы ее собственные дети были счастливы и благополучны.

Записала С. Внукова
Самарская газета. 2008. 5 августа.

САМАРСКИЕ ДНИ А.И. СОЛЖЕНИЦЫНА

Русский писатель, публицист, историк, поэт и общественный деятель трижды приезжал в наш город. Мы не забудем эти встречи.

Россия простилась с Александром Солженицыным. 6 августа на кладбище Донского монастыря г. Москвы прошли похороны того, кого еще при жизни называли гением и пророком. Солженицына нет. Но остались его книги. Остались города и люди, которые его помнят. О самарских днях Александра Исаевича — в материале Светланы Внуковой.

Впервые он побывал Самаре в 39-м. Студентом Московского историко-филологического института путешествовал с приятелем на купленной в Казани байдарке. Несколько дней в Симбирске, потом — Самара. Тогда уже Куйбышев, конечно же.

В пятидесятом оказался в нашем городе во второй раз. Уже не по своей воле. По воле тех, кто осудил его, орденосца Великой Отечественной, на восемь лет лагерей. За письма другу детства Николаю Виткевичу, в которых капитан Солженицын критиковал генералиссимуса Сталина. В Самаре, в Куйбышеве, была Пересылка, пересыльная тюрьма, в которой Солженицын дождался отправки в зону и которую увековечил в “Архипелаге ГУЛАГ”. Том самом “Архипелаге”, одна из рукописей которого будет изъята КГБ, но другую-таки опубликуют в Париже. Произойдет это в 1973-м. А в 1974-м советский суд признает Александра Солженицына виновным в государственной измене, он будет лишен гражданства и на следующий же день выслан из СССР.

Только через 20 лет вновь увидит родину. В 1990-м Указом Президента СССР ему вернут советское гражданство и удостоят Государственной премии за “Архипелаг ГУЛАГ”, в 1994-м писатель вернется в Россию, а в сентябре 1995-го приедет в Самару. По приглашению тогдашнего губернатора Константина Титова, с которым познакомится в Кремле на совещании, посвященном земству.

Несколько сентябрьских дней проведет в нашем городе лауреат Нобелевской премии. Встретится с читателями (в актовом зале Дома политпроса, тогда уже, если не ошибаюсь, Дома ученых),

будет то, что театралы называют переаншлагом, совершит в сопровождении историка П. Кабытова и библиографа А. Завального прогулку по Самаре и выступит на телеканале “РИО”.

Ту передачу вел Виталий Добрусин. Эфир был прямым. Студийные телефоны разрывались от звонков. Солженицын рассказывал, как его “вышвырнули в Германию”, объяснял, почему взял на себя смелость, прожив 20 лет вне России, написать по возвращении статью, как ее, Россию, обустроить, говорил о Чечне, о ситуации на Балканах, о русском самосознании, о том, как нас “любят” на Западе, и о своей нелюбви ко всяческого рода партиям. О своем вероисповедании говорил, о нуворишах, “обчистивших” Россию, и о том, как долго и мучительно мы будем выбираться из этого нашего “кошмара”...

О последней встрече с писателем вспоминает Александр Завальный, главный библиограф Самарской областной научной библиотеки:

— В сентябре 1995 года Солженицын приехал в Самару для участия в конференции, посвященной проблемам российского земства, и получилось так, что меня и профессора Петра Серафимовича Кабытова попросили показать Александру Исаевичу наш город.

Больше двух часов длилась прогулка. Началась она возле областной Думы, на машине мы доехали до площади Куйбышева, спустились к драмтеатру, потом двигались пешком по улице Куйбышева до площади Революции. Прошли по Венцеска к речному вокзалу, прогулялись по набережной и, вновь немного проехав на машине, остановились у бывшей столовой ГРЭС. Сейчас это полуразрушенное здание на Волжском проспекте, напротив бронзовой кошечки на батарее. В. 1950-м на этом месте находилась пересыльная тюрьма, где Александр Исаевич дожидался отправки по этапу в Казахстан.

Вспоминаются встречи Александра Исаевича с людьми, которые его узнавали (а таких была масса) на улицах. Его реакция на то, что он видел во время экскурсии? К памятнику Чапаеву, например, отнесся весьма прохладно, а вот наш Пушкин в скверике за драмтеатром его восхитил. Солженицын долго им любовался, а потом признался, что не ожидал увидеть в провинции такой красивый памятник поэту.

Наша набережная его очень воодушевила. “Как замечательно, — сказал он, — что вы не застроили тот берег Волги. Это ужасно, когда мосты перебрасывают через реку и на противоположной стороне возводят микрорайоны. Теряется ощущение Волги, замечательной русской природы. Пожалуйста, скажите своим властям, чтобы они сохранили эту красоту”.

Ну и конечно же, в памяти остались наши с ним диалоги. Помню, у старого “Белого дома”, когда я рассказал ему о бункере Сталина, он спросил: “А как вы считаете — Сталин был в Куйбышеве во время войны?”.

Вообще говоря, это естественный вопрос. В Куйбышеве была переведена значительная часть правительственного аппарата, дипкорпус, здесь для Сталина сооружался бункер. Наконец, в доме, где потом разместили редакцию газеты “Солдат Отечества”, жили члены его семьи. Здесь училась его дочь, здесь родился его внук...

Более того, существует история, которую я слышал от нескольких самарцев, о том, как Сталин вместе с Берия осматривал строящийся бункер. Последний якобы спросил вождя: “Может хватит, Иосиф Виссарионович, копать? И так уже глубже, чем у Гитлера”. А Сталин ему: “Тебе-то что за печаль?” — “Ну как же — деньги государственные сэкономим”. — “Лаврентий, — сказал Сталин, — ты на свой гарем тратишь больше. Поэтому молчи и копай глубже”.

Меж тем официальная историография, советская, российская, отвергает этот факт. Утверждают, что Сталин не покидал столицы. Но я уже в начале девяностых слышал, что некоторые из зарубежных историков склонны считать, что Сталин в наш город во время войны приезжал. И, разумеется, сказал Солженицыну об этом, заметив, что сам утверждать что-то категорично не берусь. На что он ответил: “А вот у меня есть свидетельства, и достаточно серьезные, что Сталин в годы войны в Куйбышев все-таки приезжал”.

Очень интересный, на мой взгляд, разговор состоялся возле нашего Дворца пионеров. До революции здание принадлежало предводителю самарского дворянства Александру Наумову, который был однокашником Ленина и оставил интереснейшие воспоминания о Ленине симбирского периода. Они настолько отличаются от официальной трактовки образа юного Ильича, что были изданы в Нью-Йорке, а не в России.

В 1918 году в этом здании находился Комитет членов Учредительного Собрания. Самарское правительство, которое сделало наш город столицей меньшевистских сил России.

Солженицын загорелся: “Обязательно надо зайти! Это же были удивительные люди, те, кто стоял во главе самарского правительства — эсеры, меньшевики... Они были, может быть, наивны, ошибались, делали глупости... Но они хоть не воровали!”

Столько в этих его словах было чувства! К сожалению, войти нам не удалось. Дворец пионеров был закрыт — там тогда шел ремонт.

Говорили мы, конечно, не только о Самаре. Говорили о развале Союза. Четыре года прошло тогда с момента подписания Беловежского соглашения. Солженицын воспринимал развал как катастрофу и с болью рассказывал, как послал письмо Ельцину, а Ельцин ему ответил, что Россия великая страна и с ней ничего не случится.

Очень Александр Исаевич переживал по поводу ослабления связей между славянскими странами. Восхищался Столыпиным — одним из его любимых государственных деятелей. Одет Солженицын был в длинную, почти до колен, толстовку, через плечо полевая сумка, а в руках блокнотик и карандаш. Пометки он делал постоянно.

Через год, помня о наших с ним разговорах, мы с Петром Серафимовичем Кабытовым и членом Самарского земского собрания Алексеем Федоровичем Китаевым написали ему письмо о своем понимании проблем, которые волновали в ту пору российское общество. О самоуправлении, взаимоотношении интеллигенции и власти. Он прислал большой обстоятельный ответ. Мы посчитали очень важными и интересными мысли и суждения Солженицына и опубликовали его письмо в “Самарском земском сборнике”.

Самарская газета. 2008. 9 августа.

ЗДЕСЬ БЫЛ СОЛЖЕНИЦЫН

Станет ли музеем вахта “пересылки”?

Среди бесхозных заброшенных зданий Самары это — одно из самых уродливых. Все перекошено, выбитые стекла, решетки на окнах, безумные граффити на стене, бурьян вокруг. Покосившаяся вывеска: “Столовая”. Когда-то здесь, на Волжском проспекте, напротив ГРЭС, действительно находилась столовая...

А еще раньше, в сталинские годы, здесь был парадный подъезд, или вахта Куйбышевской пересыльной тюрьмы. Здесь, когда в июле-августе 1950 года собирался арестантский этап в Казахстан, и привелось побывать Солженицыну.

В 1995-м, когда писатель приехал в Самару вновь, он с трудом узнал окрестные места, так тут все изменилось. Раньше, вспоминал он, рядом был большой двор, внутри — гнилые бараки с арестантами. А рядом — холм, который прежде был голым, а потом там понастроили домишек. И вот, вспоминал писатель, их, арестантов, вывели на прогулку человек сто. Он поднял голову и увидел на холме женщину. Она стояла, приложив руку к глазам, пытаясь, видно, отыскать взглядом среди арестантов родного ей человека — мужа или отца. Ветер развеивал ее волосы, платок. Та картинка так и осталась в памяти писателя и попала потом в книгу “Архипелаг ГУЛАГ”.

А вот еще одно свидетельство, Наш земляк, политзаключенный Леонид Мартинкевич, побывавший в Куйбышевской пересылке примерно в то же время, вспоминал: “По приезде в пересылку я попал в огромную камеру. По самым приблизительным подсчетам, в ней находилось около 150 узников. Дощатые нары вдоль трех стен образовывали своим разомкнутым периметром громадную букву “П”. Но они были предназначены только для тех, кто правил здесь бал, — “воров в законе” и их ближайших пособников. Остальные сидели и лежали прямо на полу, положив под голову свои нехитрые пожитки. У меня, кстати, они исчезли мгновенно, стоило мне только оторвать от пола голову. Кормеж-

ка была не только отвратительная — ее было чрезвычайно мало. Поэтому, если кому-то вдруг приносили передачу, и он успевал ею поделиться, то самым большим лакомством в ту пору была тюря. Ржаной хлеб в сладкой воде”.

Сейчас обо всем этом многие стараются не вспоминать. Как будто не было в стране лагерей и не сидели миллионы людей по 58 статье. Сколько можно, говорят. Иного мнения придерживается известный самарский краевед, главный библиограф Самарской областной научной библиотеки Александр Завальный. Здание это, как он считает, необходимо привести в порядок и повесить мемориальную табличку, напоминающую о том, что здесь в качестве арестанта находился великий русский писатель Солженицын. Ни одно из самарских зданий не связано с именем писателя так крепко, как это. А внутри, как полагает краевед, неплохо было бы создать музей социально-политической истории Самары, в котором нашлось бы место и для рассказа о судьбе Солженицына. На наш взгляд, эта идея достойна внимания общественности и местных властей. Ведь если в школьной программе, по предложению российского премьер-министра В.Путина, должно найтись место для “Архипелага ГУЛАГ”, почему бы в Самаре не найти возможность открыть такой музей?

Самому Солженицыну это уже не нужно. Нужно — нам. Что-бы наша память не заросла бурьяном — так же, как это бедное здание...

Волжская коммуна. 2008. 12 августа.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

“Мы предлагаем два направления работы...” [Письмо П.С. Кабытова, А.Н. Завального и А.Ф. Китаева А.И. Солженицыну] // Самарский земский сборник. Самара, 1997. № 1. С. 6-10.

“Я от души желаю вам успеха...” [Письмо А.И. Солженицына П.С. Кабытову, А.Н. Завальному и А.Ф. Китаеву] // Самарский земский сборник. Самара, 1997. № 1. С. 11-12.

Александр Исаевич Солженицын: “Сегодня я снова увидел свою Самару” // Самарский земский сборник. Самара, 1996. Вып. 3. С. 10-13.

Александр Исаевич Солженицын: “Народную жизнь создает народ снизу” // Самар. ун-т. 1995. № 7.

Александр Солженицын: “55 лет из 77 я прожил в России” // Вольнодумец. 1995. 30 сент.

Александр Солженицын: “Литература есть душевное творчество” // Культура (Самара). 1995. № 23 (сент.).

“Мы простлали дорожку грязнохватам” // Площадь свободы (Тольятти). 1995. 13 сент.

Агафонова О. На проклятые вопросы дай ответы нам прямые... // Волж. заря. 1995. 13 сент.

Александров Ю. Желанный гость кинельцев // Волж. заря. 1995. 12 окт.

Арянина О. “Открывать надо не Америку, а свою исконную Россию” // Вольнодумец. 1995. 16 сент.

Балакирев А. Здравствуй, Александр Исаевич! // Волж. вести (Сызрань и Октябрьск). 1995. 9 сент.

Барановский М. [А.И. Солженицын в Тольятти] // Самар. изв. 1995. 12 сент.

Бикулова Н. Александр Солженицын. Второе пришествие // Площадь свободы (Тольятти). 1995. 12 сент.

Добрусин В.А. Один день Александра Исаевича // Добрусин В.А. Украденные звезды. Самара, 2004. С. 371-400.

Жданов Е. Взял “Книгу памяти” в подарок // Волж. заря. 1995. 13 сент.

Жданов Е. Госдумы нет, есть балаган // Волж. заря. 1995. 13 сент.

Жоголев Е. Солженицын в Самаре. С чем приезжал? // Волж. коммуна. 1995. 19 сент.

Завальный А.Н. Прогулка с Солженицыным // Самарский земский сборник. Самара, 1996. Вып. 3. С. 5-9.

Зернов Ф. Солженицын выдвинут в президенты в Самаре // Век. 1994. № 24 (24-30 июня).

Кабытов П.С. Встреча в Самаре // Самарский земский сборник. Самара, 1996. Вып. 3. С. 3-5.

Кабытов П.С. Встреча с Солженицыным: куда идем, Россия? // Кабытов П.С. Судьба. Эпоха: автобиография историка. Самара, 2008. С. 293-300.

Карасев В. Здесь был Солженицын // Волж. коммуна. 2008. 12 авг.

Макеев В. Нобелевский лауреат на Безымянке // Самар. газ. 1995. 12 сент.

Самарские дни А.И. Солженицына // Самар. газ. 2008. 9 авг.

[А.И. Солженицын в с. Алексеевке] // Самар. изв. 1995. 12 сент.

Сто пятьдесят дыр по Солженицыну // Самар. газ. 1995. 12 сент.

Умер Солженицын. Мы его помним // Самар. газ. 2008. 5 авг.

Хмельницкий Ю. Было жарко в ДПП на встрече с Солженицыным // Самар. изв. 1995. 12 сент.

Чибриков Ю. Солженицын: “Я верю в русскую литературу” // Самар. газ. 1995. 14 сент.

Научно-популярное издание

А.И. Солженицын и Самара

Под редакцией П.С. Кабытова

Редактор *А.Н. Завальный*
Художественный редактор *Л.В. Крылова*
Компьютерная верстка, макет *Е.А. Будячевской*

Подписано в печать 11.11.08.
Формат 60×90/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Уч.-изд.л. 8,75; усл.-печ.л. 8,75.
Гарнитура “Newton”. Тираж 300 экз. Заказ № .
Издательство “Самарский университет”
443011, г. Самара, ул. Академика Павлова, д.1; тел. 334-54-23.
Отпечатано в ООО Типография “Книга”
г. Самара, ул. Песчаная, д.1; тел. 267-36-82